

ЛЮСИ КЛАРК

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВДОХ

Люси Кларк

Единственный вдох

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18152676
Л. Кларк. Единственный вдох: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-092283-3

Аннотация

Чем лучше мы хотим узнать своих близких, тем больше порой раскаиваемся в том, что открыли их секреты...

Когда трагически погиб Джексон, муж Евы, она решает найти утешение в кругу его семьи в далекой Австралии. Однако там ее ожидает новое потрясение. День за днем Ева узнает все новые и новые детали о прежней жизни ее мужа, и из этих деталей складывается образ совсем не того человека, которого она знала и любила. Так кто же был рядом с ней недолгие восемь месяцев ее замужества? Почему лгал и изворачивался? И что – или кто – способен помочь ей все начать с самого начала?..

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Люси Кларк

Единственный вдох

Lucy Clarke
A single breath

© Lucy Cox, 2014

© Школа перевода В. Баканова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Джеймсу

Пролог

Натягивая шапку, Джексон бросает взгляд на Еву – та лежит на кровати, свернувшись калачиком и накрывшись одеялом до подбородка. Не открывая глаза, она сонно бормочет что-то вроде: «Не уходи». Увы, оставаться с ней невозможно. Уставившись в темную пустоту, Джексон часами лежал без сна, все думая, мысленно возвращаясь к принятым решениям и их последствиям. Надо выбраться из дома, почувствовать, как холодный зимний ветер обжигает лицо.

Он приподнимает край одеяла, чтобы оголить плечо жены и коснуться губами ее согретой сном кожи, вдохнуть запах ее тела. Затем снова укрывает Еву, берет рыболовные снасти и уходит.

На пляже пустынно: типичное хмурое английское утро, к которому Джексон никак не привыкнет – по-настоящему не рассветает, а в доме весь день горят лампы. Он бредет по ветру, поеживаясь от холода.

Добравшись до обнаженных скал, уходящих прямо в море, Джексон останавливается. Смотрит, как бросаются на утесы волны, разбиваясь в пену. Когда море затихает, он спешит пройти по камням к краю скалы. Вот где будет клевать при сильном течении. Джексон наловчился с малых лет: все детство бегал босиком по утесам Тасмании и с воплями прыгал в море.

Он успевает добраться до края, пока не накатывает очередная волна пены. Мощными порывами ветра с воды поднимает мелкие брызги, и воздух наполняется влагой. Стоя спиной к ветру, Джексон наклоняется и открывает коробку с рыболовными снастями. Боже, как плохо без перчаток. Здесь жутко холодно, ледяные брызги попадают на затылок. Пальцы окоченели, и приманка выпадает: приходится лезть в щель между камнями.

Наконец Джексон забрасывает удочку. Сегодня это движение, когда-то привычное и успокаивающее, не помогает расслабиться. Мысли чересчур схожи с безрадостным морским пейзажем, шумно раскинувшимся под грозовым небом. Джексон стоит на камнях и понемногу замерзает. Рождается пугающее ощущение: будто слоями слезает кожа, открывая всеобщему взгляду его истинное нутро.

Он вздрагивает от вибрации мобильного. Держа удочку одной рукой, другой нащупывает телефон в кармане куртки. Это, наверное, Ева. Джексон отбрасывает мрачные, гнетущие мысли и перестает хмуриться. Сейчас она сонным голосом скажет: «Возвращайся в кровать...»

Может, у него получится – получится забыть все это? Добежать домой за десять минут, осторожно залезть в теплую постель, прижаться к изгибам тела Евы и напомнить себе, что это по-настоящему.

Но когда Джексон нажимает «ответить», раздается вовсе не голос Евы.

Глава 1

Ева уходит с защищенного от ветра мыса, и порыв настигает ее в полную силу, растрепывая волосы; приходится крепче прижать к себе термос с кофе. На берегу вихрь поднимает клубы песка, таща за собой по пляжу спутанный узел рыболовной лески.

Навстречу идет женщина в фиолетовом пальто с меховым капюшоном, ветер подгоняет ее в спину, – наверное, продрогла, спешит домой согреться. Как же промозгло бывает на побережье, не то что в Лондоне, где от ветра заслоняют здания, а за непогодой наблюдаешь из окна.

В спешке вырвавшись из города, вчера вечером они с Джексонсом приехали в Дорсет на день рождения ее матери. Ева задержалась в больнице на родах, пытаясь развернуть ребенка головой вниз, но успела упаковать мамин подарок и помыть скопившуюся с завтрака посуду, когда домой влетел Джексон, ужасно уставший после затянувшейся рабочей встречи. И так всю неделю: перекусывали на ходу в разное время, дома не могли забыть о проблемах на работе, ложились спать слишком поздно и чувствовали себя такими разбитыми, что не было сил поговорить. Здорово, что в эти выходные можно сбавить темп.

Впереди скалы, с которых, скорее всего, и рыбачит Джексон. Огромные мрачные глыбы простираются прямо в море. Интересно, он что-нибудь поймал? Едва рассвело, как спружинила кровать, и Джексон вылез из-под одеяла. Ева слышала, как он надевает джинсы и свитер, застегивает куртку. Он наклонился и поцеловал Еву в плечо. Слегка приоткрыв глаза, она увидела, как Джексон натянул красную шерстяную шапочку и выскользнул за дверь.

Прямо за скалами мелькает лодка, тут же скрываясь среди волн. Кто мог выйти в море в такую суровую погоду?.. Ева прищуривается: лодка снова на гребне волны, это оранжевая спасательная шлюпка. Вдруг беда?.. В разум Евы тонкой струйкой просачивается чувство тревоги.

В детстве, когда еще был жив отец, летом они каждое утро приходили на этот пляж искупаться, и он плавал на спине, резко взмахивая длинными худощавыми руками. Ева обожала плавать, когда море было спокойным и в нем отражались лучи восходящего солнца. Но сегодня вода мрачная, зловещая.

Она оглядывает скалы в поисках Джексона; глаза слезятся от ветра. Он где-то здесь, он всегда рыбачит на этом месте, когда они приезжают к матери Евы, однако сейчас серость морских волн и неба разбавляет лишь спасательная шлюпка. «Это учебная тревога», – убеждает себя Ева и тут же бежит вперед. Термос болтается на поясе, ботинки загребают песок. Дыхание вырывается облачками пара, а несколько слоев одежды сковывают движения – джинсы сжимают колени, пуговицы пальто давят на грудь.

Ева подбегает к подножию скалистой гряды: там собралось человек десять. Она внимательно оглядывает их, скользит взглядом по скалам, о край которых разбиваются волны. Пахнет соленым морем.

Джексона не видно.

Ева подбегает к мужчине в вощенной куртке; его седоватые брови подрагивают на ветру.

– Почему там шлюпка? – спрашивает она, стараясь не выдать панику.

– Кого-то унесло ветром со скал.

У Евы кольнуло в сердце.

– И кого?

– Вроде какого-то рыбака. – На секунду становится легче: ее тридцатилетний муж никакой не рыбак, он специалист по бренд-маркетингу в компании по продаже напитков. Затем мужчина добавляет: – Молодого, судя по всему. Может, сумеет выжить в ледяной воде.

Ева задыхается, будто кто-то со всей силы сжал ребра. Роняет термос, выхватывает из кармана телефон и стаскивает перчатки, чтобы набрать номер. Пальцы не гнутся от холода; Ева становится спиной к ветру и вводит цифры мобильного Джексона.

Прижимая телефон к уху, Ева ходит взад-вперед и ждет, когда он возьмет трубку.

– «Привет, это Джексон», – с замиранием сердца слышит она автоответчик.

Бросив телефон в карман, Ева, спотыкаясь, идет к скалам. На большом красном знаке надпись: «ОСТОРОЖНО! ВПЕРЕДИ ОБРЫВ». Она карабкается по мокрым валунам; шарф уносит за спину воющим ветром, от которого закладывает уши.

Впереди что-то яркое. Ева пробирается через обросшие ракушками камни и наконец подходит ближе.

Между двумя валунами зажата зеленая пластиковая коробка для рыболовных снастей – открытая. Ева подарила ее Джексону на прошлое Рождество, потому что приманки и грузила уже вываливались из тумбочки. Теперь ящички залило соленой водой, и две ярко-голубые приманки всплыли внутри, будто дохлые рыбины.

Волна со страшным грохотом врывается в скалы. Ледяные брызги хлещут Еве в лицо, и, упав на колени, она цепляется за камни окоченевшими пальцами.

– Эй, там! – кричит кто-то. – Отойдите!

Она не в силах встать, не в силах повернуться. Страх придавливает к земле. Лицо обжигает ветром, волосы на затылке намокли. Струйка воды медленно стекает под шарф.

Вдруг кто-то кладет руку ей на плечо.

Полицейский наклоняется к Еве, подхватывает за локоть и помогает подняться.

– Здесь небезопасно, – старается он перекричать ветер.

Ева отдергивает руку.

– Мой муж! Он рыбачил! Прямо на этом месте!

Полицейский смотрит на нее сверху вниз. У него на подбородке темный клочок щетины размером с подушечку пальца, не больше – видимо, пропустил, когда брился. Он говорит с мрачным видом:

– Ладно, ладно. Давайте спустимся на пляж.

Полицейский помогает Еве встать. Они медленно переступают через влажные валуны; у нее при ходьбе дрожат колени, а он то и дело оглядывается назад – не накатывают ли волны.

Уже на пляже он спрашивает:

– Ваш муж рыбачил здесь сегодня утром?

Ева кивает:

– Там, на скалах, его коробка для снастей.

Полицейский пристально смотрит на нее.

– Нам поступил вызов: волной снесло мужчину, ловившего рыбу.

– Это был он? – еле слышно произносит Ева.

– Пока точно не знаем. – Полицейский замолкает. – Да, может быть.

Рот наполняется слюной, Ева резко отворачивается и смотрит на серо-зеленые волны, пытаясь разглядеть среди них Джексона. Нервно сглатывает.

– Давно сообщили?

– Минут двадцать назад. Вон та пара.

Полицейский показывает на средних лет мужчину и женщину, одетых в темно-синие парки; у их ног сидит золотистый ретривер.

– Они видели его?

Полицейский кивает, и Ева нетвердой походкой направляется к супругам.

Пес встречает ее неистовым вилянием хвоста.

– Вы видели моего мужа, он здесь рыбачил!

– Вашего мужа? – переспрашивает женщина, и выражение ее худого лица становится мрачным. – Да, видели. Мне жаль...

– Что случилось?

Женщина нервно тербит шарф.

– Мы проходили мимо, он рыбачил. – Она бросает взгляд на мужа: – Ты еще сказал, что это опасно, когда такие волны, помнишь?

Ее супруг кивает:

– Когда мы пошли обратно, то увидели парня в воде.

– Мы вызвали береговую охрану, – добавляет женщина. – Старались не терять его из виду, пока они не приедут... Не получилось.

«Они, видимо, ошиблись», – думает Ева.

– Что на нем было надето, на том мужчине?

– Что же на нем было? – повторяет женщина. – Вроде что-то темное. И шапочка, – говорит она, касаясь затылка. – Красная шапочка.

Чуть позже приходит мать Евы. Она укутывает дочь в одеяло, прячет ее короткие волосы под шерстяную шапочку и тихо спрашивает:

– Сколько он пробыл в воде? Что говорят в охране?

Спасательная шлюпка будто чертит в море квадраты, с каждым разом все большей площади. Ева наблюдает за схемой поиска, и в какой-то момент лодка становится едва различима: неужели Джексон мог проплыть такое расстояние?

Надо сосредоточиться на чем угодно, кроме ледяной хватки моря, например, на приятном воспоминании о том, как в прошлом месяце Джексон удивил ее, заявившись в больницу к концу вечерней смены Евы с пакетом, в котором лежало ее любимое платье и золотистые туфли на каблучках. «Переоденься, – сказал Джексон, – мы идем на свидание».

Сердце выпрыгивало из груди от волнения; Ева пробралась в раздевалку и сменила свою форму на черное шелковое платье, выбранное Джексон. Она тронула губы помадой и загладила назад темные волосы; затем вышла и слегка покружилась на месте – остальные акушерки присвистнули и зашептались.

Джексон повел Еву в блюз-бар в северной части Лондона. В зале горели свечи, ритм контрабаса вибрацией отдавал в груди. Ева положила голову Джексону на плечо; пришло расслабление, забирая невзгоды напряженного дня. Они пили непозволительно дорогие коктейли, и Ева танцевала на высоких каблучках; те натирали ноги, но ей было все равно. Джексон умел сделать обычный день прекрасным...

Мысли прерывает громкий гул вертолета береговой охраны. На фоне темнеющих облаков красно-белый корпус выглядит ярко, почти обнадеживающе, и в прибывающей толпе нарастает ожидание.

Полицейский стоит поодаль, потирает друг о друга замерзшие ладони. Время от времени потрескивает рация, и он подносит ее ко рту. Ева смотрит в сторону полицейского – может, заметит хоть какой-то намек на то, чего стоит ждать. Почти все молчат, лишь прислушиваются к бурлящим волнам, несущим пену к скалистым горам. Держа ее за руку, мать Евы шепотом повторяет:

– Ну же, Джексон, давай.

Уже почти стемнело. Ева оборачивается на треск: полицейский подносит рацию к губам, что-то говорит и мрачно кивает, глядя в море.

Он подходит к Еве. Только не это!

– Береговая охрана сворачивает поиски.

Ева нервно дергает свой шарф.

– Так нельзя!

– На шлюпке почти кончилось топливо, а для вертолета уже темно. Сожалею.

– Джексон ведь все еще там!

– Решение принято.

– Но ему не пережить ночь.

Полицейский смотрит под ноги.

Мать обнимает Еву за талию, прижимается к дочери, будто пытаясь забрать ее боль.

– Он там, – наконец произносит Ева.

Она вырывается из объятий и нетвердым шагом торопится по пляжу вдаль, туда, где мерцают слабые огни причала. Мать окликает ее, но Ева не оборачивается. Она точно знает, куда идти.

Джексон ее муж, и Ева так его не оставит.

Рыбак едва ступает на причал, как к нему подходит Ева.

– Это ваша лодка?

– Ага, – с подозрением отзывается он.

Ева нервно вздыхает.

– Мне надо в море. Я заплачу.

– Милая, на сегодня никакого моря...

– Моего мужа снесло волной со скал, – говорит она.

– Твоего мужа?.. Господи! Я слышал утром по радио. – Ева идет мимо рыбака к лодке с таким видом, будто собирается ее угнать. – Стой, послушай...

– Вы разбираетесь в течениях? В приливах и отливах? – Ева пытается говорить спокойно, не отвлекаясь на мысли.

– Конечно, но не могу же я...

– Пожалуйста, – просит она, едва сохраняя самообладание. – Вы должны помочь мне!

Они выходят в море, и волны сразу начинают раскачивать лодку. Ева держится за борт, замерзшие пальцы сводит. Не надо думать об этом: если признать, что ноги окоченели и дрожь никак не проходит, тогда придется признать и то, что Джексон подобного не вынесет.

Впереди очертания скалистого утеса, словно окутанного низко стелющимся туманом. Когда они подбираются ближе, рыбак глушит мотор.

– Теперь идем по течению, – перекрикивает он ветер.

Рыбак подносит ей желтую штормовку:

– Держи, надень поверх жилета.

Ткань на ощупь грубая и холодная, длинные рукава царапают потрескавшуюся кожу на внутренней стороне запястий, между перчатками и пальто. Спереди на штормовке огромное пятно крови.

– От рыбы, – объясняет он, проследив за взглядом Евы.

Палуба завалена ловушками для омаров и массивными темными сетями с запутавшимися в них водорослями. На лодке горят огни, однако их света явно недостаточно.

– У вас есть фонарь?

– Ага. – Рыбак поднимает крышку деревянной скамьи и достает прожектор размером с огромное блюдо.

Он подает тяжелый фонарь Еве, и та берет его обеими руками, щелкает выключателем и направляет свет на темное море – такой яркий, что сначала ослепляет.

Рыбак приносит еще один фонарь, поменьше, и тоже начинает осматривать воду. Течение несет их вперед, мрачные волны то становятся на дыбы, попадая в круг света, то снова отступают.

– Часто твой муж рыбачит?

Муж. Никак не привыкнуть к этому приятному слову. Они с Джексоном были женаты чуть меньше десяти месяцев, и при виде его обручального кольца у Евы все еще захватывало дух от счастья.

– Мы живем в Лондоне, так что получается нечасто, но Джексон много рыбачил в детстве. Он из Тасмании.

– Это где такое?

Ева и забыла, что некоторым людям мало известно о Тасмании.

– Остров к юго-востоку от Австралии, через пролив от Мельбурна. Относится к австралийским штатам.

Глядя на чернильного цвета море, Ева представляет: вот Джексон бредет по пляжу, тащит за собой рыболовные снасти. Гудело ли у него в голове после вчерашней выпивки? Думал ли он о ней, уютно свернувшейся в постели, пока шел по берегу? Вспоминал ли, как ночью они занимались любовью? Задумывался ли о том, чтобы вернуться и залезть под теплое одеяло?

Вот Джексон стоит на скалах, окоченевшими пальцами цепляет приманки, потом ставит ведро для улова. Плавным движением забрасывает удочку. «В прибой хорошо клюет, волны бодрят рыбу», – говорил он ей как-то.

Джексон знал свое дело: его отец десять лет занимался ловлей раков, а сам он изучал морскую биологию. В Лондоне, где они живут, работа морских биологов не пользуется спросом, но, по его словам, Джексон получал свою «дозу» побережья каждый раз, когда они приезжали к матери Евы. В Тасмании у него была старая байдарка, и, прицепив к ней сзади удочку, Джексон плавал по пустынным бухтам и заливам. Ева любила слушать истории о том, как он объезжал утесы и дикие берега, ловил рыбу и потом готовил ее на костре.

У борта лодки раздается громкий всплеск, и Ева вскрикивает от изумления.

Фонарь выскользнул из рук, и зловещий желтый свет скрылся в темных водах.

– Нет! Нет...

Хочется достать его, вычерпать воду руками, но свет тонущего фонаря начинает мигать и затем гаснет.

– Простите! Я думала, что достану его, – говорит Ева, глядя за борт лодки. – Теперь ничего не видно. Простите... я...

– Ничего, – по-доброму отзывается рыбак.

Ева крепко прижимает руки к груди; холодным порывом обжигает обветренные губы. Она всматривается в бесконечную тьму.

– Холодное сейчас море? – тихо спрашивает она.

Рыбак со вздохом отвечает:

– Ну, градусов восемь-девять.

– Сколько при такой температуре можно продержаться?

– Трудно сказать. – Он замолкает. – В лучшем случае пару часов.

В наступившей тишине слышно лишь, как поскрипывает лодка и как о борт хлещут волны.

«Он умер, – думает Ева. – Мой муж умер».

Мы провели вместе всего лишь два года, Ева. Так мало.

Я только начинал кое-что подмечать в тебе: что ты шевелишь пальцами на ногах, когда нервничаешь; что ты скорее неряшлива, чем чистоплотна; что сильнее всего у тебя развито обоняние, и ты нюхаешь все новое – книги, платье, упаковку от диска с фильмом.

Недавно я обнаружил, как сильно ты боишься щекотки под коленками – смеешься просто до упаду. И мне нравится, что мои друзья считают тебя рассудительной и прагматичной, когда в действительности ты не можешь выйти из дома, не выполнив обязательную программу – не почистив зубы в туалете или не накрасившись за столом.

Когда мы познакомились и ты внимательно посмотрела на меня своими большими карими глазами, я снова почувствовал себя маленьким мальчиком – радостным, свободным и полным надежд.

Как я уже сказал, Ева, двух лет с тобой было мало. Но это на два года больше, чем я заслужил.

Глава 2

Ева неподвижно сидит на краю постели, уставившись на телефон. Все еще в пижаме, хотя, похоже, скоро опять вечер. Постоянно заглядывает мать, предлагая чем-нибудь заняться. «Прими душ». «Пойди прогуляйся». «Позвони Кейли». Но все кажется настолько бессмысленным, что Ева не отвечает и вообще не выходит из своей комнаты. Ждет, когда вернется Джексон, поцелует ее в губы и скажет с замечательным мелодичным акцентом: «Не переживай, милая. Я с тобой».

Прошло четыре дня. В береговой охране сообщают, что из-за сильного северо-восточного ветра тело может вынести на берег дальше, в районе Лайм-Реджиса или Плимута. Но она не готова думать о нем как о теле – о теле своего мужа... Красную шерстяную шапочку, которая была на Джексоне, нашли. Ее, запечатанную в прозрачный пластиковый пакет, с виноватым видом отдала Еве женщина-полицейский. Изнутри на полиэтилене образовался конденсат, будто шапка надышала.

Внизу слышны тихие голоса: мать с кем-то здоровается. Говорят про Еву, а потом про Джексона. Кто-то шепчет: «Трагедия».

Не перестают приходить люди. Странно, что смерть так похожа на рождение: несут открытки, в каждой комнате благоухают букеты, в холодильнике – гора пластиковых контейнеров с едой. А еще приглушенные голоса, бессонница и осознание того, что жизнь никогда не будет прежней.

Моргнув, Ева внимательно смотрит на телефон. Надо поговорить с Дирком, отцом Джексона; о случившемся ему сообщила полиция, а не Ева, и она чувствует себя виноватой. Ей просто не по силам было ему позвонить, подобрать слова.

Длинный номер написан ручкой на тыльной стороне ее ладони. Ева набирает его и, прижав телефон к уху, слушает непривычные гудки: их разделяет огромное расстояние. Ева и Дирк на разных концах земли, у него сейчас утро, а здесь вечер; у него лето, здесь зима.

Она разговаривала с Дирком всего один раз, еще до их с Джексоном свадьбы. Они изредка переписывались, и Еве особенно нравилось устраиваться по вечерам на диване и сочинять письма. Любила она и получать ответные послания от Дирка на бумаге для авиапочты, написанные неразборчивым почерком. Эти письма давали некоторое представление о том, как Джексон жил в Тасмании.

– Да? – раздается хриплый голос.

– Дирк? – Она откашливается: – Это Ева. Жена Джексона.

На том конце провода тишина.

Ева молчит. Может, связь прервалась? Она проводит языком по зубам, во рту пересохло.

– Слушаю.

– Я... я давно хотела позвонить... но, понимаете. – Она приглаживает рукой спутавшиеся волосы, потирает затылок. – Слышала, с вами говорили из полиции.

– Он утонул, вот что мне сказали. – Подрагивающим голосом Дирк добавляет: – Утонул во время рыбалки.

– Сбило и затянуло в море волной. – Ева замолкает. – Вода... она тут очень холодная, ледяная. Вызвали спасательную шлюпку, вертолет. Искали весь день...

– Тело нашли?

– Нет, пока нет. Мне жаль. – Молчание. – Зато обнаружили его шапку, – зачем-то сообщает Ева.

– Понятно, – медленно произносит Дирк.

– Простите. Надо было позвонить вам раньше, сказать все самой, но... я просто... никак не могу собраться с мыслями. – Рыдания сдавливают горло. – Все кажется таким... нереальным.

Дирк не отвечает.

Она сглатывает слезы и на мгновение замолкает, пытаясь прийти в себя. Затем говорит:

– Надо будет устроить похороны... или поминальную службу. – Об этом Еве все время твердит мать. – Пока не знаю, когда именно... после Рождества, наверное. Может, вы захотите приехать?

– Хорошо.

Слышно, как он пододвигает к себе стул, звякает стаканом. Ева выжидает пару мгновений, но когда Дирк ничего не отвечает, она сама заполняет паузу:

– Я знаю, вы не любите летать, но если все же хотите приехать, мы будем рады. Можете остановиться у нас... то есть у меня. – Ева дергает волосы у самых корней, чувствуя, что теряет самообладание. – И брат Джексона пусть приезжает. Я знаю, у них натянутые отношения...

– Нет, нет, не надо. Это не самая хорошая идея.

К горлу подкатывает комок. Хочется услышать, что Дирк приедет. Пусть она не так хорошо знает своего свекра, но их объединяет то, что они оба любили Джексона, оба его потеряли.

– Пожалуйста, – говорит Ева. – Подумайте еще.

Так или иначе, время ползет вперед, дни окутаны густым туманом горя. Из этого промежутка жизни запомнятся лишь отдельные моменты: нетронутый поднос с едой у двери, прогулка к скалам на рассвете, с которой она возвращалась промокнутой и продрогшей, букетик лилий, чья пыльца осыпалась на мамин стеклянный столик – Ева растирает ее кончиком пальца.

Теперь, месяц спустя, она стоит в халате перед зеркалом во весь рост. Через полчаса за ней приедут, сегодня поминальная служба по Джексону. Еве двадцать девять, и она вдова.

– Вдова, – произносит Ева перед зеркалом, пробуя слово на язык. – Я вдова.

Она наклоняется ближе к отражению: какой измученный вид. Кожа вокруг носа и в уголках рта покраснела и потрескалась. Между бровей новая морщинка, которая придает ей хмурый вид; Ева пытается разгладить ее.

Кто-то поднимается по деревянной лестнице, и в такт шагам бряцает браслет. Затем отчетливый стук в дверь, и в комнату с улыбкой заходит лучшая подруга, Кейли.

Она кладет платье на кровать и обнимает Еву со спины, упирается подбородком Еве в плечо, и они обе видят себя в зеркале.

Кейли тихо говорит:

– Сегодня будет трудный день, но ты выдержишь. Как выдержишь и следующие за ним, такие же тяжелые, а потом настанет время, когда будет легче. Веришь мне?

Ева кивает.

Кейли показывает ей платье.

– Я купила его в том магазине, который ты любишь, рядом с рынком «Спитлфилдз». Как тебе? Если не нравится, у меня в машине еще два других.

Ева снимает халат и натягивает приталенное платье из тяжелого черного материала. Застегнув молнию сбоку, смотрится в зеркало: платье сидит как влитое. Кейли улыбается.

– Ты ведь знаешь, что сейчас сказал бы Джексон?

Ева отвечает кивком. «Посмотри на себя, милая. Ты только посмотри!» Она закрывает глаза, на мгновение погружаясь в воспоминания о его голосе, о том, как он берет ее за руку и кружит на месте, присвистывая.

Кейли бросает взгляд на серебряные наручные часы.

– За нами приедут через двадцать минут. Когда доберемся до церкви, просто зайдешь внутрь вместе с мамой. Я поговорила со священником, он согласился поменять музыку.

– Спасибо.

Кейли сжимает ее руку.

– Ты как?

Ева пытается улыбнуться. В висках пульсирует боль, внутри будто все выдрали.

– Такое чувство... что слишком рано.

– В смысле? – осторожно спрашивает Кейли.

Ева прикусывает губу.

– Четыре недели. Я не слишком мало ждала?

– Чего именно?

Она сглатывает. Перед панихидой по собственному мужу не стоит говорить: «Я все еще жду, что он вернется», поэтому Ева отвечает:

– В голове не укладывается, Кейл. Не могу представить свою жизнь без Джексона.

Сол отстегивает ремень безопасности и подается вперед, скрещивая мясистые руки на руле пикапа. Сквозь ветровое стекло он любуется видом с вершины горы Веллингтон. В ясный день кажется, что отсюда видно всю Тасманию. Сегодня обзор закрывают облака.

Рядом с ним сидит отец; он лезет в карман пиджака и осторожно достает серебряную фляжку, трясущимися руками отвинчивает крышку. Кабину наполняет резкий запах виски.

– Глоток для храбрости, – говорит Дирк.

Сол отворачивается и смотрит на людей в темных костюмах, приезжающих на службу. Среди них несколько друзей Джексона – по школе, по лодочной мастерской, – которых Сол не видел уже много лет, но с большинством присутствующих он даже не знаком.

Дирк прячет фляжку назад в карман, громко шмыгает носом и спрашивает:

– Готов?

Сол вытаскивает ключи из зажигания и вылезает из пикапа. Легкие наполняет морозный горный воздух. Он застегивает верхнюю пуговицу, затем наклоняется к запылившемуся боковому зеркалу, чтобы поправить галстук.

Сол с Дирком неохотно направляются к остальным скорбящим.

– Дети не должны умирать раньше родителей. – Качнув головой, Дирк добавляет: – Чертова Англия, и зачем он туда поехал!

– У них там будет поминальная служба или вроде того?

– Ага, они тоже устраивают.

– Кто все организует?

– Его жена...

Сол замирает и смотрит на отца. Дирк остановился, раскрыв рот.

– Что ты сейчас сказал? – Сощурившись, Дирк потирает лицо крепкой рукой. – Пап?

Дирк шумно выдыхает. Он открывает глаза и смотрит на Сола.

– Нам с тобой, сынок... Нам надо поговорить.

Глава 3

Ева просовывает ключ в замок, однако открывать дверь не спешит. После смерти Джексона она еще ни разу не заходила в их квартиру – оставалась у матери, потому что сначала хотела пережить Рождество, а затем и поминальную службу, прежде чем задумываться о возвращении. Возможно, не стоило отказывать матери, когда та предложила пойти с ней. Ева настояла, что справится сама, но теперь мысль о том, чтобы зайти внутрь, приводит ее в ужас.

Сделав глубокий вдох, она открывает дверь, напирая на нее плечом, чтобы сдвинуть кипу почты, которой завален коврик у входа. Отодвинув ногой рекламные буклеты, рождественские открытки и счета, протискивается в прихожую. Воздух кажется затхлым и спертым, в нем чувствуется тонкий запах кожи от куртки Джексона, которая висит на крючке за дверь.

Ева кладет сумку и бесшумно проходит по коридору, заглядывая в каждую комнату. Может, если двигаться медленно, то она мельком увидит Джексона, развалившегося на диване и задравшего ноги на журнальный столик, или заметит в душе его стройный торс, увидит, как по телу стекает вода.

В квартире, конечно же, пусто. Накатывает огромная волна одиночества, настолько мощная и всепоглощающая, что перехватывает дыхание, а пол будто уходит из-под ног. Привалившись к стене, Ева делает несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Надо держаться. Джексона больше нет, она теперь одна. Такова реальность, нужно привыкнуть.

Через несколько мгновений Ева идет на кухню и торопливо открывает окна: с улицы слышится гул машин, голоса, шорох голубей на крыше. Затем включает отопление и, пробегая по всей квартире, включает свет, радио и телевизор. В комнатах кружатся шум, свет и свежий воздух.

Так и не сняв пальто, она возвращается на кухню. Сейчас заварит чай, потом распакует вещи. Вот и чайник, надо налить воды. Обхватив ручку, Ева отворачивается от своего искаженного отражения на алюминиевой поверхности, подносит чайник к крану и замирает.

В раковине лежит использованный чайный пакетик, раздувшийся и засохший, а вокруг – буро-ржавые пятна. У Джексона была ужасная привычка бросать пакетики в раковину, а не в мусорное ведро. Такая мелкая, незначительная деталь его жизни, но настолько привычная, что сдавливает горло.

Ева замирает с чайником в руке. Сейчас бы все можно отдать, лишь бы увидеть, как Джексон заходит на кухню, заваривает чай и бросает хлюпающий пакетик в раковину.

Ева ставит чайник назад и уходит в спальню, где радио разрывается веселой песней. От ритма электронной мелодии гудит в голове, и она резко выключает музыку. Двухспальная кровать не заправлена; Ева прикусывает губу и поддается воспоминаниям, полным тепла и спокойствия. Пока не передумала, по-прежнему в пальто, ложится в постель и до подбородка натягивает одеяло.

Горе приносит физическую боль. Что-то словно разъедает изнутри, растворяет слой за слоем, оставляя одну большую рану. Ева зарывается лицом в подушку Джексона, вдыхая сквозь рыдания мускусный запах его кожи.

Очевидно, она уснула, потому что в комнате темно. Голова гудит, тело липкое и горячее. Сбросив пальто, Ева садится и включает лампу на прикроватной тумбочке Джексона.

Его нижний ящик приоткрыт, и Ева полностью выдвигает его: внутри куча чеков, сломанный бинокль, колода карт, презервативы, книга про Генриха Восьмого, которую он так и не дочитал, две пальчиковые батарейки и какая-то мелочь.

Она вытаскивает фотографию, на которой они вместе – снимок был сделан в Париже, на фоне Триумфальной арки. Как только они сфотографировались, пошел дождь, и Ева с Джексоном забежали в кафе, где на полу натекла лужа от зонтов. За кофе с пирожными они успели обсохнуть, а когда вышли на улицу, в блестящих от дождя тротуарах уже отражались яркие лучи солнца.

Среди других вещей в ящике Ева замечает конверт, надписанный ее рукой. Это письмо Дирку – самое последнее, про неожиданную поездку в Уэльс, которую Джексон устроил в качестве сюрприза. Ева думала, они едут к матери, но Джексон так заболтал ее, что только через полчаса пути стало ясно – это не дорога в Дорсет. Джексон забронировал уютный номер в «Брекон-Биконс», и все выходные они гуляли по сырым горным тропинкам, поросшим папоротником, и занимались любовью у камина в своем номере.

В конце Джексон приписал кое-что от себя – спросил, много ли игр австралийской сборной по регби посмотрел отец. Джексон всегда любил добавлять что-то личное; письма он опускал в почтовый ящик у себя на работе, но про это, похоже, забыл.

Ева кладет его назад в ящик и нащупывает еще одно письмо. Достает из конверта очередное послание Дирку, написано в конце августа. В письме ничего особенного, просто рассказ о том, как летом они с Джексоном устроили пикник в парке Клэпхэм-Коммон, как ездили на спектакль «Сон в летнюю ночь». В конверт Ева вложила их фотографию, сделанную в театре.

Она разглаживает оба письма у себя на коленях; где-то внутри зарождается тревожное чувство. Почему они не отправлены?.. Ева еще раз заглядывает в ящик, но там больше ничего нет. Логично предположить, что Джексон просто забыл послать письма, и все же трудно выбросить из головы мысль – может, на то была другая причина?

Неделю спустя Ева сидит в баре с Кейли, на их столике – бутылка белого вина в ведерке со льдом. Кейли наливает полный бокал и подталкивает его в сторону подруги:

– Держи.

Ева послушно делает большой глоток. Вернувшись на работу в больницу, она позвала Кейли после первой же смены, вся в слезах.

– Что случилось?

– Я... я просто не выдержала, ушла оттуда. Убежала. Приняла роды, все было хорошо – работала сосредоточенно. Почти не думала о Джексоне. А потом... – Ева качает головой.

Она подняла новорожденного из бассейна для родов и осторожно подала его измученной матери, полячке по имени Анка. С изумлением глядя на своего сына, молодой отец нежно коснулся его щеки кончиками пальцев и посмотрел в глаза своей жене. На мгновение все замерли. Он произнес что-то сдавленным голосом, и от слов мужа женщина заулыбалась.

Не надо знать польский, чтобы понять, о чем он говорил: о том, какая у него замечательная жена, как он ею гордится, как сильно любит. Именно за этот взгляд, за это невероятное интимное мгновение между мужем и женой после напряженных и изнурительных родов Ева любила свою работу.

Однако сегодня эта сцена ее будто парализовала. Ева пристально смотрела на супругов – они были всего на пару лет старше их с Джексоном, – и с цепенящим ужасом осознала, что никогда не почувствует, каково это – держать на руках ребенка Джексона, быть настолько же любимой, как эта женщина, мать новорожденного.

Никогда, потому что ее муж мертв.

Попросив помощницу позвать другую акушерку, Ева бросилась бежать, ворвалась в туалет для медперсонала и нагнулась над керамической раковиной, которая поглотила ее желчь и слезы.

– Это было невыносимо, – рассказывает она Кейли. – Просто не могла видеть их вместе. Влюбленные супруги... Я едва не задыхалась от зависти.

– Прямо как я на чужих свадьбах.

Ева с подозрением спрашивает:

– Ты красиво одета... У тебя были планы?

– С Дэвидом, ничего особенного, – отмахивается Кейли.

– Мне так неудобно! Вы же собирались поужинать – обсудить мельбурнский контракт, ты вчера мне говорила. В голове все перемешалось.

– Считай, ты оказала мне услугу. Он заказал столик в «Вернадорс», – закатывает глаза Кейли. – Я ела там как-то перед Рождеством и потом два дня валялась с отравлением. К их мидиям лучше не притрагиваться.

– Я помню.

– Точно, я ведь в тот вечер наткнулась на Джексона! У него был деловой ужин. Боже, отравить нового клиента – не лучший способ наладить бизнес.

– С ним все было в порядке.

– Конечно, он ведь все детство питался тем, что ловил в горах. – Кейли делает глоток, затем наполняет доверху оба бокала. – Ну, расскажи, что с тобой такое?

– Трудный день выдался.

– Перестань, это же я. И я готова выслушать в подробностях, самых отвратительных и ужасающих, насколько катастрофически ужасна сейчас твоя жизнь. Валяй.

Ева делает глубокий вдох.

– Я... просто... Даже не знаю, с чего начать. – Она хватается руками за волосы, тянет их у корней. – Я больше не вынесу, просто не могу. Ужасно скучаю по Джексону, все время о нем думаю. Серьезно, *все время*. Я мысленно говорю с ним, веду полноценные беседы. Иногда мне так больно... Такое чувство, что я просто заставляю себя двигаться дальше, когда на самом деле мне хочется закрыть глаза и уснуть. А проснуться где-нибудь в будущем, когда уже не будет так тяжело. – Сглотнув, Ева продолжает: – И еще мама... Постоянно звонит и спрашивает, в порядке ли я, предлагает переехать к ней... А я не в порядке. С чего мне быть в порядке! Но снова жить с ней я не хочу, это меня задушит. – Прикусывая губу, Ева добавляет: – Я думала, у нас с ним впереди целая жизнь, а теперь... он умер. Я никогда не увижу его, не обниму, не услышу его смех... мы не воплотим в жизнь наши планы. И это так... несправедливо. Почему Джексон? Мы и года не прожили в браке. У нас все было впереди – а он умер! – Ева ударяет ладонью по столу, бокалы подрагивают. – Я жутко злюсь на него за то, что он так по-идиотски повел себя, поперся на эти скалы посреди зимы – рыбачить, видите ли! И я жутко злюсь на маму – ведь это она пригласила нас к себе в те выходные. Но больше всего... больше всего я злюсь на себя: если бы я проснулась на пару минут раньше или не стала наливать кофе в термос, я бы успела. Велела бы ему слезть со скал, и тогда... он был бы жив.

По щекам Евы катятся слезы, и Кейли, наклонившись вперед, сжимает ее руки.

– Я не вынесу, Кейл, не вынесу одиночества. Мне так плохо без него. А в квартире... просто ужасно. Так тихо, будто все вымерло. Я обитаю в какой-то пустоте. – Ева высвобождает руку и вытирает лицо. – Ночью я лежу одна в нашей спальне... и все кажется настолько пустым... Черт, да я не могу уснуть без радио, а в постель кладу бутылку с горячей водой, завернутую в вещи Джексона! – Ева делает большой глоток вина. – Мне хотелось – даже требовалось – вернуться в больницу, занять себя, чтобы не сойти с ума. Но сегодня, господи, сегодня было... Стыдно перед той парой. – Она снова качает головой. – Не уверена, что я готова к работе.

С наступлением вечера бармен приглушает свет в зале и делает музыку громче.

– Ты замечательная акушерка. – Кейли наклоняется поближе, чтобы подруга ее слышала. – Молодые матери посылают тебе столько букетов, что хоть цветочный магазин открывай. Хотя, наверное, пока слишком рано. Дай себе немного времени.

– Но что мне делать с этим временем? Я чувствую себя... оторванной. Знаю, звучит нелепо: *естественно*, я оторвана от него – ведь он умер! Просто мне не с кем поделиться. В смысле, я благодарна, что могу поговорить с тобой, но рядом нет никого, кто знал бы Джексона – *по-настоящему*. У него замечательные друзья, они его обожали, и маме он нравился, но она оплакивает не самого Джексона, а мою потерю. Мне нужно побыть среди людей, которые действительно любили его так же, как я.

– Ты про его семью?

Ева кивает.

– Папа Джексона так и не перезвонил. Я все набираю, а он не отвечает.

– Наверное, ему трудно говорить с тобой.

Ева допивает вино.

– Я тут подумала, – говорит она, проводя пальцем по ножке бокала, – может, мне поехать туда?

– Куда, в Тасманию?

Ева кивает.

– Хочу увидеться с Дирком, со старыми друзьями Джексона. Посмотреть, где он вырос. Мы собирались поехать туда вместе осенью. И от Мельбурна недалеко...

– Так что заедешь ко мне! – с широкой улыбкой подхватывает Кейли.

Подруге Евы предложили новый контракт, и в феврале Кейли предстояло перебраться из Лондона в Мельбурн на полгода, но она была готова все отменить, если Ева попросит остаться.

– Или я встречу тебя в Тасмании, – предлагает Кейли, – и мы вместе полетим в Мельбурн. Квартиру мне оплачивают: там две спальни – есть где разместиться.

– А как же Дэвид?

– Ему дальние поездки не по душе, говорит, весь режим сбивается. Вот они, издержки жизни с мужчиной за сорок.

Ева хочет улыбнуться, но печаль сомкнула губы, оставила темные круги под глазами.

– Маме еще не говорила?

– Она будет не в восторге. – Жизнь матери была отмечена горем: младшая дочь умерла при родах, а спустя двенадцать лет от удара скончался муж. Всю свою любовь – и все страхи – она выплеснула на Еву.

– Надо делать так, как кажется правильным тебе, а не твоей маме. – Кейли замолкает. – Что бы посоветовал Джексон?

Не раздумывая, Ева отвечает:

– Ехать. Он бы сказал: «Езжай».

Мы планировали поехать в Тасманию. Ты хотела познакомиться с моей семьей, посидеть с друзьями, про которых так много от меня слышала, увидеть хижину в Уотлбуне, где я раньше жил каждое лето.

Тасманию часто считают таким бедным родственником Австралии: погода там прохладнее, города меньше, люди живут проще. Никто не забывает, что когда-то остров был Землей Ван-Димена, безжалостной колонией каторжников, но поэтому я и люблю Тасманию: за ее дикость и суровость, за темное прошлое, за необитаемые места, где легко затеряться.

Показать бы тебе зловещие красоты горы Крейдл, заросшие мхом деревья, вомбатов, шныряющих по тропкам вблизи залива Уайнгласс. Мы могли бы погулять, проехаться на лодке вдоль восточного побережья, чтобы посмотреть на китов, или отправиться в Хобарт¹ и поесть непрожаренное жаркое с подливкой в «Баггис».

Ты задавала столько вопросов о Тасмании, будто, поняв этот остров, могла собрать воедино мою прежнюю жизнь, но я многое не рассказал тебе о прошлом – словно выбросил целые отрезки времени, людей, о которых я хотел забыть, все то, о чем не желал упоминать.

Вот бы показать тебе каждый уголок Тасмании: я знаю, ты влюбилась бы в этот маленький остров. Однако по правде, Ева, я вовсе не собирался этого делать – разве я мог тебя туда отвезти?

¹ Хобарт – столица и главный порт штата Тасмания. – Здесь и далее примеч. пер.

Глава 4

Автобусом до Гатвика, томительное ожидание в душном и переполненном зале вылета, грязные подголовники, сквозь сон – дозаправка в Дубае, еще двенадцать часов в тесном кресле, бегом к терминалу внутренних рейсов в Мельбурне и наконец небольшим самолетом до Тасмании.

В поцарапанное стекло иллюминатора видно, как самолет, снижаясь, пронизывает белые облака. Сплошные фермы, леса, заросшие деревьями холмы и совсем немного домов. Больше всего Еву поражает простор. Почти четверть земель Тасмании признана национальным парком: по-настоящему дикая природа, отделенная проливом от материковой Австралии.

Таким же маршрутом два года назад летел Джексон, только наоборот, в Британию. В самолете они и познакомились: Ева возвращалась домой из Дубая, побыв недельку у Кейли – подруга работала там на съемках.

Еву мучило жуткое похмелье, а еще хуже становилось от гнетущей мысли о возвращении в Дорсет, где она до сих пор жила с матерью, стараясь накопить на собственное жилье. Ева устроилась и достала книгу, практически не обратив внимания на мужчину в соседнем кресле. Повернулась, только когда тот представился, и внимательно посмотрела на него: ясные светло-голубые глаза, загорелое лицо, ослепительная улыбка.

Пожав Еве руку, он добавил:

– Должен предупредить вас, я не терплю скуки, а лечу уже с самой Австралии. Можете пересесть, пока не поздно. – У него был приятный акцент с растянутыми гласными.

И тогда, отвечая на его рукопожатие, Ева тоже улыбнулась.

Как любой путешественник, Джексон хотел говорить не о своей родине, а лишь о том, куда направляется. Он засыпал Еву вопросами об Англии. Она рассказала о бешеном ритме жизни столицы, которая разрастается с каждым днем. Рассказала, что Биг-Бен – это на самом деле название колокола, а не башни с часами, и что некоторым постройкам лондонского Тауэра уже больше девятист лет. Рассказала, за что любит Англию: за культуру, за историю, за соседство городов с деревнями. И за что ненавидит: за голубей, погоду и помешательство на политкорректности.

Джексон оказался морским биологом и увлек ее рассказами о проекте по восстановлению кораллов на Большом Барьерном рифе, куда он на водолазном боте возил туристов. А еще он три месяца провел в подростковом лагере на восточном побережье Тасмании, где учил ребят нырять.

Когда стюардесса развозила напитки, Джексон взял миниатюрную бутылочку и налил Еве красного вина, затем откинулся на кресле и спросил:

– А что тебе нравится в работе акушерки?

Еву порадовал этот вопрос и то, как внимательно он ее слушал.

– Люди считают, все дело в детях – что все акушерки обожают новорожденных. Но для меня главное – сами женщины, я разделяю с ними самый сокровенный и важный момент их жизни. Это честь для меня.

Джексон не отрывал взгляда от нее и в особенности от ее губ.

У Евы вспыхнули щеки.

– А ты почему выбрал морскую биологию?

Он ответил не сразу. Подумав, улыбнулся и сказал:

– Все началось с одной книги. – Ева была заинтригована. – По субботам мы с братом часто копались в комиссионном магазине в поисках интересных вещей, иногда находили старые пленки или детали от велосипеда. И вот однажды в субботу я купил старый рюкзак

цвета хаки – за один доллар. Уже дома я увидел, что в нем лежала книга – «Море вокруг нас» американского морского биолога Рейчел Карсон. Наверное, звучит глупо, но в тот момент – а мне было тринадцать – я подумал, будто книга предназначена мне, будто она специально спряталась там. Я написал на ней свое имя и прочитал от корки до корки. Клянусь, после этого я стал совсем по-другому относиться к морю. – После паузы Джексон продолжил: – Как к тайне, которую надо раскрыть.

Именно в тот момент, в тесном самолете, у Евы что-то дрогнуло внутри.

Они продолжали болтать, когда приземлились в Лондоне, затем стали в разные очереди на паспортном контроле, но снова встретились после таможни. Ева думала переночевать в пустующей квартире Кейли, и они с Джексонем вместе сели в такси: он с нескрываемым восхищением разглядывал город сквозь мокрое от дождя стекло, восторгаясь великолепием Лондона. Прощаясь, Джексон попросил у Евы номер телефона.

Он позвонил утром, и следующие три дня они провели в постели, вылезая только за круассанами и свежим молоком. Ева наконец поехала домой в Дорсет, только чтобы собрать вещи и перебраться жить в Лондон с женщиной, которого она едва знала.

Внезапность сильного чувства застала Еву врасплох: это было так не похоже на ее прежние стабильные отношения. Ева будто попала в параллельный мир, в котором существовали только они с Джексонем. За те первые месяцы они изучили тела друг друга, обзавелись шутками, понятным им одним, заполнили раздельное прошлое страстью настоящего.

Самолет тряхнуло – шасси коснулось посадочной полосы.

– Добро пожаловать в Тасманию, – объявляет капитан.

На острове утро; в отеле Ева меняет теплые вещи на легкое платье, взглянув на бледные ноги, обувает кожаные сандалии. Пора осмотреться в родном городе Джексона.

Хобарт, столица Тасмании, расположился на берегах реки Деруэнт на фоне зловещего вида горы Веллингтон. Ева идет вдоль пристани, теплый воздух помогает расслабиться. Дорогие яхты и туристские катера пришвартованы по соседству с ветхими рыболовными судами; под водой кружат небольшие косяки рыб, подхватывающих с поверхности размокшие хлебные крошки.

Сегодня суббота, город спокоен; похоже, все жители собрались в кафе. Мужчины в кроссовках или туристских ботинках, женщины – прямо в шлепках и шортах. После Лондона Хобарт кажется простой и спокойной деревушкой.

Ева идет дальше, к Саламанке², где на всю улицу раскинулся рынок. В воздухе витают ароматы фруктов и пончиков с сахарной пудрой, к ним примешивается легкий запах моря. Она почти не обращает внимания на прилавки с оливками, винтажными сумочками, украшениями из бисера и на покупателей с яркими пакетами. Ева ощущает лишь пустоту, ведь рядом с ней должен идти Джексон и обнимать ее за плечи. Она уговорила бы его остановиться у лотка с антикварными украшениями, чтобы посмотреть старинные брошки и прекрасные карманные часы, а Джексону захотелось бы купить ей самые красивые, хотя у них обоих денег было маловато. Проходя дальше по рынку, он с усмешкой прошептал бы Еве на ухо, что у продавца сидра усы похожи на руль велосипеда, а затем, увидев в толпе друга, гордо представил бы ее: «Это моя жена».

Ноги несут Еву вперед, мимо скромных размеров торгового центра к зеленым улицам жилого района, и в конце концов приводят к ухоженному парку, где среди сигаретного дыма молодежь, рассевшись на траве, болтает и слушает музыку. Две девушки в «вареных» футболках с разводами стоят за заваленным книгами столиком. На табличке от руки написано: «КНИГИ БЕСПЛАТНО ☺».

² Саламанка – район города Хобарт на берегу бухты.

Вдруг почувствовав слабость из-за смены часовых поясов, Ева садится отдохнуть на скамейку в тени эвкалипта. Последние тридцать два часа она ела только в самолетах, и теперь ее подташнивает. Надо бы купить свежих фруктов, вернуться в отель и поспать.

Но сначала Ева пробует дозвониться Дирку.

До отъезда из Англии она так и не сумела с ним связаться. Гудки все идут; наверное, Дирк стоит у телефона, засунув руки в карманы и слегка ссутулившись, видит ее номер, но не отвечает. Отчаявшись, Ева кладет трубку и решает, что лучше пойти к нему домой.

Когда она убирает телефон в карман, вдруг раздается звонок.

– Да? – с надеждой в голосе отвечает Ева.

– Ты прилетела?

– А, мам!.. – Ева проводит рукой по своим коротким волосам. – Да, приземлились пару часов назад.

– Ты сейчас в отеле? – В голосе матери слышны нервные нотки.

– Нет, вышла прогуляться. Сажу в парке. – Ева смотрит на часы: если здесь полдень, то в Англии должно быть около полуночи. – Мам, – вдруг насторожившись, продолжает она, – что случилось?

Молчание. Ее мать вздыхает.

– Детка, – отвечает она, – нашли тело.

Ева набирает полную ванну, добавляет пену из маленького гостиничного пузырька, и воздух наполняется лимонным ароматом.

Тело.

Его вынесло на берег через двести миль, за Плимут, так сказали в вечерних новостях, которые смотрела мать. Сейчас устанавливают личность, результаты будут через несколько дней.

Ева ждала этого момента.

И одновременно его боялась.

Согнув колени, она соскальзывает под воду. Короткие волосы вьются вокруг лица, пузырьки воздуха из носа и ушей вырываются наружу, щекоча кожу; вода давит на глаза и сжатые губы. Пульс громко отдаёт в ушах.

Ева заставляет себя открыть рот. Вода попадает за щеки, на язык, на нёбо, в горло. Хочется встать, откашляться, открыть глаза – но она не двигается.

Легкие начинают жечь, вода давит вниз. Вспышками боли тело Евы бьет тревогу.

Она представляет, как Джексона накрывают жестокие холодные волны, как он молотит руками, пытаясь за что-нибудь уцепиться, а намокшая одежда и обувь тянут вниз. Его взгляд полон ужаса, глаза жгут от соленой воды, но Джексон пытается бороться.

И вот наступает момент, когда воздуха уже не осталось, и со вдохом в легкие попадает ледяная соленая вода.

Ева вскакивает, расплескивая воду на пол, и пытается отдышаться.

Вот каково это было, Ева, – оказаться под водой. Ужасающая ледяная хватка моря. Все тело свело – сжало сердце, стиснуло мышцы и сухожилия.

Море, жестокое и безжалостное, бушевало, кружило и хватало меня, тянуло вниз. Атака по всем направлениям. Я запутался в одежде, как в рыболовной сети, бес толку дергал ногами и руками, потом стал задыхаться. Такого моря я никогда не видел.

Не знаю, через сколько минут – или даже секунд – я совсем окоченел от холода. Меня била дрожь и мучил страх смерти.

Я боролся, как мог, думая о тебе, но боль, казалось, исчезала вместе с теплом моего тела, с напряжением мышц, – и я сдался.

Это все, что я могу сказать тебе, Ева, – в конце концов я сдался.

Глава 5

Ева паркуется на противоположной стороне улицы от дома Дирка, однако из машины не выходит. Руки вспотели от руля арендованного автомобиля, и она вытирает их о джинсы.

Дом Дирка в лучах послеполуденного солнца кажется ветхим. Красная краска хлопьями слезает со стен дома, обнажая белую грунтовку. Палисадник зарос, у входа валяются два разбитых цветочных горшка. Шторы отдернуты: есть надежда, что Дирк дома.

Беспокойство и ожидание вызывают тошноту. Ева вылезает из машины, переходит дорогу и по тропинке направляется к двери. Звонка нет – она стучит, затем делает шаг назад и обхватывает себя руками.

Интересно, о чем они будут говорить? Найдется ли у них тема для беседы кроме Джексона? Ева пытается вспомнить из писем Дирка про его прогулки или про книгу, о которой он упоминал в последний раз, но в голове пусто, не осталось никаких деталей. Хотелось бы установить с ним контакт, прочные отношения, чтобы был повод общаться дальше.

Внутри что-то двигается, будто по полу тащат стул. Спустя мгновение дверь открывает мужчина в фланелевой рубашке, заправленной в джинсы с ремнем. Он не обут: видно, что серые носки протерлись на пальцах.

У Евы перехватывает дыхание: в мужчине она видит нос Джексона, его линию бровей, такой же цвет глаз.

– Дирк?

– Да?

– Я Ева Боу. Жена Джексона.

Он хмурится, на лице проступают глубокие морщины. Дирк потирает лоб рукой, словно пытаясь вспомнить, когда это они договорились о встрече. Кожа щек у него покраснела, поврежденные капилляры сеточкой тянутся по лицу.

– Что... что ты тут делаешь?

– Дозвониться вам не получилось.

Дирк выглядывает на улицу, как будто ожидает увидеть кого-то еще.

– Ты приехала из Англии?

Ева кивает. Поджав пальцы на ногах, она говорит:

– Прилетела три дня назад. Мне... хотелось побывать в Тасмании. Увидеть родину Джексона, посмотреть, где он вырос. Встретиться с вами.

Дирк внимательно смотрит на нее.

– Долгий путь.

– Да, – соглашается Ева.

Он отходит назад.

– Ну, заходи.

Дирк ведет ее в небольшую гостиную, к обтрепанному зеленому дивану у окна. На журнальном столике – бутылка виски и стакан, по телевизору идет какое-то дневное шоу с вычурно одетой ведущей. Увидев на полке под телевизором кучу видеокассет, Ева немного расслабляется: Дирк из тех людей, кто до сих пор не перешел с кассет на диски, хотя все сделали это уже лет десять назад.

– Присаживайся. – Дирк показывает на диван.

– Спасибо.

Он выключает телевизор; стоя перед экраном, проводит рукой по редющим седым волосам, расправляет плечи и потягивает шеей. Крупный и высокий мужчина. Наверное, когда-то он был спортивного телосложения, но сейчас, в пожилом возрасте, от мускулов почти ничего не осталось.

– Так ты, значит, Ева.

– Да.

Дирк засовывает руки в карманы.

– Хочешь пить?

– Воды, если можно.

Он устало выходит из комнаты, и Ева наконец выдыхает. Слышно, как на кухне открывается шкафчик, звякает стакан, льется вода из крана.

Оставшись одна, Ева осматривается: голые стены грязновато-белого цвета, на полу истоптанный ковер. На подоконнике медный барометр соседствует с моделью корабля со сломанной мачтой. На пыльном журнальном столике стоит букет увядших лилий – неужели они здесь с самой смерти Джексона?

Дирк возвращается с двумя стаканами воды на подносе. Ставит его рядом с цветами и подрагивающей рукой подает стакан Еве. Она представляла, что Дирк будет старше, с обветренным лицом и усталым взглядом.

Не присаживаясь, он говорит:

– Я как-то не ожидал.

– Понимаю, извините. Я пыталась дозвониться, но не смогла даже оставить сообщение. Вы не отвечали, а письмо вряд ли дошло бы до вас вовремя.

– Еще бы почтового голубя послала, – посмеивается Дирк. – Так что ты тут делаешь?

– Я... – Пораженная грубостью его вопроса, Ева запинаясь и лишь водит пальцем по прохладным изгибам стакана. – Мы с Джексонсом собирались приехать сюда осенью, поэтому я подумала... В общем, решила, что все равно поеду...

Ева ерзает на месте – что еще сказать? Оглядываясь, она замечает фотографию на стене.

– Джексон, – произносит Ева, радуясь, что здесь есть его снимок.

Дирк смотрит на фото.

– В День Австралии³ снимали, ему тут девятнадцать.

Джексон выглядит юным и загорелым, еще без морщинок, которые начали недавно появляться у него в уголках глаз и рта. Губы замерли в полуулыбке. Он стоит на выгоревшей от солнца лужайке, одетый в голубую жилетку, которая ему явно велика. Волосы доходят до подбородка – с такой прической Ева его не видела.

Заметив что-то еще, Ева подается вперед. В правой руке у Джексона дымящаяся сигарета – обычное дело, судя по его естественной позе. Ева и понятия не имела, что он раньше курил, и от этой новости почему-то чувствует себя беззащитной.

– Черт, как мне его не хватает. – Дирк медленно опускается в кресло напротив. – Расскажешь мне, как все было в тот день?

– Да, конечно. – Ева ставит воду на столик и, сцепив руки на коленях, продолжает: – Мы поехали на выходные к моей матери, она живет на южном побережье, в Дорсете. Джексон встал рано и пошел на рыбалку.

– Что там клюет?

– Окунь или сайда, – отвечает Ева, обрадовавшись такому вопросу – Дирк и сам когда-то рыбачил. – Джексон пошел ловить со скал, но день выдался суровым, поднялся сильный ветер. Его снесло огромной волной. – Она крутит на пальце обручальное кольцо. – Вызвали спасательную шлюпку и вертолет береговой охраны, искали весь день...

– Джексон всегда хорошо плавал.

– Вода была холодная, всего восемь-девять градусов, а он в зимних вещах. Никто бы долго не продержался.

³ День Австралии – официальный национальный праздник Австралии, отмечается ежегодно 26 января.

Дирк качает головой.

– Столько лет я ходил в море, и ни одного происшествия. А Джексон, – он тяжело вздыхает, – просто пошел ловить рыбу и утонул.

– Его тело... – Ева не решается продолжить. Еще неизвестно, его ли тело обнаружили на берегу у Плимута. Через несколько дней она будет знать точно. Наконец-то. И что потом? Если это Джексон или то, что от него осталось, нужно ли будет лететь домой и устраивать похороны?.. Не стоит говорить об этом Дирку, пока Ева не получит подтверждения. – Я надеюсь, что его тело найдут.

– Мне все равно, – пожимает Дирк плечами. – В океане тоже хорошо. Пусть уж будет там, чем в каком-то чертовом гробу на съедение червям.

Может, он прав? Джексон, наверное, согласился бы с ним. Допив воду, Ева говорит:

– На поминальную службу собрались очень многие.

Дирк кивает.

– Люди оставили добрые слова в книге записей. Я не взяла ее с собой, но могу прислать, если захотите.

– Спасибо, что предложила. – Он наливает себе виски, и Ева чувствует резкий запах. – У нас тоже была служба.

– Правда? – удивляется она. – Где?

– На вершине горы Веллингтон, всего несколько человек. – Дирк осушает стакан.

Обидно, что Ева не знала об этом, что ее не пригласили. Хотелось бы спросить, кто пришел, что говорили люди, однако Дирк вдруг встает и предлагает:

– Думаю, надо выпить в память о Джексоне.

Он выходит из комнаты и тут же возвращается с еще одним стаканом. Ева пытается отказаться, ведь она за рулем, но Дирк уже наливает ей виски.

– За Джексона!

Ева делает небольшой глоток. Она терпеть не может виски, от этого вкуса в желудке все переворачивается. Тошнота проходит после пары выдохов через нос, и Ева предусмотрительно отставляет стакан.

Беседа продолжается, и Ева наблюдает, как алкоголь действует на Дирка: с каждым глотком он становится раскованнее.

– Помню, как Джексон впервые нырял за морскими ушками, – говорит Дирк, оперев стакан с виски о колено. – Ему было лет восемь-девять, не больше, и он бросился прямо к рифам на мелководье, а там полным-полно этих ушек, так что Джексон подобрал камень поострее и выломал самое большое прямо из рифов. Вернулся со своим трофеем, улыбаясь во весь рот. Сунул в карман и пошел нырять дальше, его было не остановить. – Затем Дирк спрашивает: – Ты когда-нибудь видела морские ушки? – Ева качает головой. – Они большие такие, размером с ладонь – с одной стороны раковина, а с другой жесткий темный моллюск. Поныряв, Джексон прибежал показать его нам с Солом, но не смог достать ушко из кармана: моллюск так присосался к его ноге, что снять было невозможно. Я подшутил над Джексонном, сказал, что ушко получится отцепить только через месяц. Вот это у него было лицо! Конечно, моллюск потом отвалился, но остался огромный синяк, не проходил все лето. Мы все смеялись, что это засос от поцелуя, – с улыбкой рассказывает Дирк.

Дирк продолжает беседу под виски, и скоро взгляд у него становится сонным, слова путаются, но Ева все равно внимательно слушает. Даже когда он путает сыновей и называет Сола вечным путешественником, а Джексона домоседом.

– Они с Солом раньше были близки? – интересуется Ева.

– Просто не разлей вода, все делали вместе. Та еще парочка: вставляли с утра пораньше и шли нырять с пристани на Уотлбуне, выискивали там кальмаровые крючки и продавали туристам, как раз на карманные расходы.

– Но последнее время они не общаются? – Дирк резко качает головой. – Сол по-прежнему в Тасмании?

– Ага, работает в университете в Хобарте, какой-то у них серьезный проект по головным. По кальмарам, проще говоря. – Дирк шумно глотает виски и, сморщившись, кладет руку на живот.

– Он там живет, в Хобарте?

– Нет, нет, Сол переехал на остров Уотлбун. Построил себе домик в бухте Шоул.

– У вас ведь там была хижина? – спрашивает Ева.

– Да, замечательное местечко, – отвечает Дирк и тихо добавляет: – Только много плохих воспоминаний.

– Я хочу познакомиться с Солом.

– Зачем? – Дирк настораживается.

– Он брат Джексона.

– Не, вряд ли он захочет.

– Для меня это важно.

Дирк внимательно смотрит на нее и говорит:

– Прости, Ева, лучше тебе в это не лезть.

Он поднимает стакан и допивает виски.

Джексон говорил, что отец любит выпить, однако и не намекал, что Дирк настоящий алкоголик. Это видно по его красным щекам, лопнувшим сосудам на лице и тому, как крепко он держит стакан. Обидно, что Джексон не рассказал об этом, будто не мог доверить ей семейные тайны.

Интересно, каково было бы Джексону сейчас, увидь он своего отца, планомерно напивающегося в компании Евы? Внутри медленно закипает ярость. Дирк не ответил ни на один из ее бесконечных звонков, не пригласил на поминальную службу, хотя она, в свою очередь, звала его в Англию.

Он будто лично обидел этим Джексона. Ева не сдерживается:

– Вы не приехали к нам на свадьбу.

Дирк пожимает плечами:

– Далеко очень. И дорого к тому же.

Он наливает себе еще виски, горлышко бутылки звякает о стакан. Это уже третий? Или четвертый? Дирк покачивает стаканом и делает глоток.

– Разве вам не хотелось увидеть, на ком женится ваш сын? – напирает Ева в попытке узнать, почему Дирк отсутствовал.

– А знаешь... – говорит он таким неприятным тоном, будто прежде что-то сдерживало его резкие слова и теперь ослабло. – Мне было все равно, потому что я не хотел, чтобы Джексон на тебе женился. – Ева удивленно смотрит в ответ. – Я подумал, что он просто спятил, черт возьми! Я так ему и сказал. – Дирк качает головой. – Вам вообще не стоило жениться.

– Что?

Дирк потирает лицо крепкой рукой и тяжело выдыхает. Затем встает и, пошатываясь, идет к подоконнику, выглядывает на улицу.

– Дирк? – Ева никак не может поверить. – Почему вы так говорите?

Он пожимает плечами.

– Я бы его никогда больше не увидел. Джексон не вернулся бы домой после женитьбы, вот и все.

На глаза наворачиваются слезы.

Дирк оборачивается: судя по выражению лица, он успокоился. Может, даже извинится. Но он говорит:

– Слушай, Ева, я вижу, что ты любила Джексона, и я сочувствую, что тебе пришлось пройти через такое. Правда сочувствую. Но мой мальчик умер, и твое присутствие ничем не поможет. Так что тебе, наверное, лучше уйти, а?

Глава 6

В голове вертятся слова Дирка: «Вам вообще не стоило жениться». От злости желудок скручивает в узел.

Понятно, что он горюет и к тому же подействовал виски, но не перебор ли?

Теперь ей точно нужно найти Сола. Оперевшись локтями о поручни парома, Ева смотрит в сторону острова Уотлбун. Интересно, как бы отреагировал Джексон на то, что она намерена встретиться с его братом, которого тот не видел четыре года, а то и больше? Джексон упоминал имя Сола всего несколько раз и с таким мрачным видом, будто брат мог по-прежнему ранить его своим предательством.

Вид на остров открывается постепенно: сначала далекие утесы, поросшие лесом, затем зеленые изгибы холмов. Джексон рассказывал о проведенном здесь летом времени с особой ностальгией, словно боялся не увидеть больше остров, который был так ему дорог.

Ева достает и разворачивает туристическую карту, купленную на паромном вокзале; легкий бриз треплет края бумаги. На карте одна главная дорога протяженностью в пятьдесят километров идет через весь остров, а от нее расходятся более мелкие, ведущие к уединенным заливам и бухтам; правда, эти маршруты под силу только внедорожнику. На острове есть паб, два кафе, приемная врача, магазин и здание муниципалитета. Особо отмечены лодочные причалы, места для серфинга, кемпинга и маршруты походов.

Ева находит бухту Шоул – на самом юго-востоке. И хотя адреса Сола она не знает, на островке с постоянным населением в пятьсот человек кто-нибудь наверняка подскажет, где его дом.

Переправа занимает всего двадцать пять минут, но когда паром причаливает, складывается впечатление, что попал на другой край света. Пассажиры небольшой толпой возвращаются к машинам, заводят двигатели и спускаются по пандусам.

Прямо за пристанью написанная от руки табличка: «ВЫ НА УОТЛБУНЕ! ПОЖАЛУЙСТА, СНИМИТЕ ЧАСЫ И ВЫНЬТЕ АККУМУЛЯТОРЫ ИЗ МОБИЛЬНЫХ ТЕЛЕФОНОВ».

Дорога совершенно пуста, лишь изредка навстречу проезжает кемпер или пикап с досками для серфинга и велосипедами на крыше. У Евы в машине открыты окна, она вдыхает запахи нагретой солнцем травы и соленого бриза. На берегу мелкой лагуны с биноклями на шее стоят двое путешественников, позади них ветром несет стаю черных лебедей.

Ева останавливается у магазина: простое на вид здание, снаружи висит пробковая доска объявлений, где полно написанных от руки листков – продаются прицепы для лодок, летние домики в аренду, два щеночка австралийского келпи ищут новых хозяев.

Дверь подперта выцветшей стойкой с рекламой мороженого. За прилавком стоит улыбающаяся продавщица с забранными наверх желтоватыми волосами.

– Доброго дня, чем могу помочь?

– Я ищу Сола Боу, он живет в бухте Шоул. Вы, случайно, не знаете, где именно?

– Ну, это проще простого, – улыбается продавщица. – У него единственный дом во всей бухте. Езжайте дальше в сторону юга, еще минут пять по этой дороге. Справа будет ягодная ферма и дальше ваш съезд, прямо к бухте.

– Большое спа...

– Его сейчас там нет, пару часов назад вышел в море – сама видела. – Женщина выходит из-за прилавка и выглядывает из приоткрытой двери магазина. – Вон его пикап, – показывает она на длинный ряд машин у деревянной пристани. – Можете тут подождать. Начался отлив, так что он скоро вернется... Давно Сола-то знаете?

Судя по всему, сплетни в этом магазине ценятся не меньше продуктов, поэтому Ева говорит:

– Я знала его брата.

– Брата? – удивлена продавщица. – Вот уж не думала, что у Сола есть брат.

Пристань стоит на толстых деревянных сваях, у берега пришвартованы несколько рыболовных лодок. Какое-то время Ева сидит в машине, но даже с открытыми окнами внутри быстро становится душно.

Ева выходит и через парковку направляется к песчаному берегу, усыпанному засохшими водорослями. День выдался ясный и безветренный, в теплом воздухе висит густой запах рыбы. Ева снимает сандалии и заходит в воду; лодыжки окутывает приятная прохлада.

Сквозь воду Ева смотрит на дно. Лучше не думать о том, что в Плимуте к берегу прибило тело, и теперь оно лежит в море, еще не опознанное.

Лодки то и дело прибывают к пристани, рыбаки выгружают улов, но Сола среди них нет – все мужчины выглядят намного старше.

Как-то утром, лежа рядом с Джексоном и водя пальцем по завиткам волос на его груди, Ева вдруг попросила:

– Расскажи мне про своего брата.

– Нечего особо рассказывать. – Джексон внезапно помрачнел, перекатился на бок и встал с кровати. – Он предатель, ему нельзя доверять.

Разговор о Соле заходил еще пару раз, и однажды Ева наконец заставила Джексона объяснить, почему за последние четыре года братья не обмолвились ни словом. Впрочем, через какое-то время она перестала поднимать эту тему: невозможно было видеть, как страдает Джексон от одного упоминания Сола.

То ли от жары, то ли от усталости, все еще оставшейся после перелета, кружится голова, и Ева торопится найти тень. Звонит мобильный; на экране высвечивается «мама», а она станет звонить, только если появятся новости о найденном теле.

С бешено колотящимся сердцем Ева все смотрит на телефон. Хочется ли ей все узнать, хочется ли, чтобы в этой истории была поставлена точка?

Наконец Ева прижимает мобильный к уху.

– Это он?

Ее мать тяжело вздыхает.

– Прости, детка, но это не Джексон. Тело не его.

Ева закрывает глаза.

– Зря я вообще тебе сказала, пока точно не установили. Просто я не хотела, чтобы ты услышала об этом в новостях.

– И кто это?

– В смысле?

– Чье тело нашли?

– Какой-то мужчина из Уэртинга, сорока пяти лет, женатый. Спрыгнул с моста полтора месяца назад.

Ева нервно сглатывает. Что сейчас чувствует его супруга? Стало ли ей легче от того, что теперь можно похоронить мужа? Наверное, Еве стало бы легче. А может, Дирк все-таки прав, и телу Джексона лучше оставаться в море.

– Ева? Слышишь меня?

Печет солнце, во рту пересохло... Она сегодня хоть что-нибудь пила? Ева облизывает губы, пытаясь слотнуть.

– Детка? Ответь!

– Я здесь, – слабым голосом произносит Ева, чувствуя подступающую тошноту.

К пристани приближается синяя лодка. С губ Евы срывается сдавленный крик.

На борту лодки настолько похожий на Джексона мужчина, что на мгновение Ева подумала, будто это он и есть.

– Ева? Ева? – с нарастающим беспокойством повторяет ее мать.

Но Ева ее не слушает. Она подается вперед и прищуривается.

Поза прямо как у Джексона: одна рука в кармане, плечи расслаблены. Темные кудряшки закрывают уши, глаза спрятаны под солнечными очками. Мужчина одет в серую футболку и шорты.

Это Сол. Точно он.

Сол не один – с лодки на пристань спрыгивает другой мужчина, крепкого телосложения, с голым торсом. Он идет к парковке, залезает в пикап и разворачивается – прицепом к пристани.

– Ева? Ты слышишь? – спрашивает мама. – Детка, ты меня пугаешь.

– Мне пора, я потом перезвоню.

Как только лодку вытащили из воды, Сол поднимает очки на голову и жмет руку второму мужчине, затем с переносным морозильником направляется в сторону Евы. Он подходит к разделочной площадке, которая всего метрах в пяти от Евы. Из морозильника достает две рыбины с серебристой чешуей и кладет их на разделочный стол, вытаскивает из кармана нож и взрезает их бледные брюшки, пальцами вынимает внутренности. Разделяет еще три рыбины и пару кальмаров.

Ева привыкла к виду крови, но от того, с каким невозмутимым видом Сол потрошит рыбу, становится не по себе.

И в этот момент ее замечает Сол.

Она замирает от удивления. У него совсем другие глаза, темные и жгучие, а не светло-голубые, как у Джексона.

– Ты Сол? – сама того не осознавая, спрашивает Ева и делает шаг вперед. – Я Ева, жена Джексона.

Сол внимательно смотрит на нее, не отводя темных глаз; взгляд у него недобрый. Он возвращается к делу: достает еще одну рыбу, швыряет на стол, потрошит.

– Рыбачил тут? – задает Ева глупый вопрос.

– Ага.

– Много поймал?

– Нормально.

Под платьем стекают капли пота. Ева делает глубокий вдох.

– Я хотела поговорить.

– Да? О чем?

– О Джексоне.

Сол искоса поглядывает на нее, но молчит.

– Я долгий путь проделала.

Он со вздохом откладывает нож.

– Слушай, не хочу показаться грубым, но мы с Джексонем давно не общались.

– Знаю, – отвечает Ева, с трудом скрывая злость. – Я просто хотела познакомиться, ты ведь его брат. – Сол молча смотрит ей в глаза. – Я подумала, вдруг тебе захочется узнать, как он жил в Англии. Чем занимался все это время, пока вы не виделись.

– Значит, зря ты так подумала.

Ева изумленно качает головой. Солнце нещадно печет, все тело горит. Следует уйти, сесть в машину и включить на всю кондиционер, однако злость не дает сдержаться, и Ева говорит:

– Твой брат умер. Он не заслужил и пары слов от тебя?

Вот бы Солу самому увидеть весь этот ужас: стоя на ветру, вглядываться в даль, где спасательная шлюпка напрасно чертит круги на воде, а вертолет разрезает морозное небо.

Сол по-прежнему молчит, и глаза начинает жечь от слез. Нет, Ева не заплачет у него на виду: она разворачивается и уходит. Сердце бешено стучит, дыхание перехватывает. Взгляд понемногу затуманивается, а коленки подкашиваются.

Слышится голос, так похожий на Джексона, что хочется обернуться и увидеть, как он зовет ее с пляжа. Хотя голос звучит издали, Ева пытается следовать за ним и вдруг ощущает легкость – но это не легкость движения. Она падает в обморок.

Сол сидит, упершись руками в колени. Пальцы в рыбьей крови, под ногтями чернила от кальмаров. В ожидании он притопывает ногой.

Среди стерильной чистоты и белизны медпункта Сол в рабочей одежде бросается в глаза. От него наверняка несет рыбой. Он снимает солнечные очки, футболкой протирает их от соли и кладет на колени, нервно разводит и сжимает руки.

На стене висит плакат о вреде алкоголизма: печень нарисована в виде тикающей бомбы. Сол ерзает на пластиковом сиденье, поглядывая на часы.

Ева двадцать пять минут как у врача, а он оставил рыбу в разделочной, прямо на солнце. Хотя чайки наверняка уже ее утащили. Еще немного осталось в морозильнике, но закрыл ли он крышку? Если нет, то улов скоро протухнет. Рыба пропадает зря. Этому чертову доктору лучше поторопиться.

Сол все еще злится – день пропал! – однако мыслями возвращается к Еве: к ее уверенности в разговоре с ним, к ее резкому британскому акценту, к ее яростному взгляду. Ева развернулась и ушла, широко размахивая руками, но вдруг пошатнулась и вскинула руку, будто пытаясь за что-то ухватиться.

А он стоял и смотрел, как она падает.

Жаль, что он расстроил девушку, но что еще можно было сказать? Зря она сюда приехала. Сол и сам едва держится, а тут Ева – чувства у нее, видите ли. И что с этим делать?

Вдруг дверь открывается, и Ева выходит из кабинета. С короткой стрижкой и большими карими глазами, она кажется очень хрупкой. Ева подходит к регистратуре и расплачивается.

Сол идет за ней на улицу.

– Ну, что там сказал врач?

Он сразу жалеет, что вопрос прозвучал так обыденно.

Ева бледнеет, руки безвольно опущены. Она явно в состоянии шока.

Шепотом Ева произносит:

– Я беременна.

Глава 7

Она на десятой неделе беременности. На десятой неделе вдовства.

Ева думает о всех признаках, оставленных без внимания: тошнота, которую она сочла своеобразной реакцией на горе, усталость – видимо, от перелета. В голове был такой туман, что Ева даже не заметила отсутствия месячных. Тем вечером, за день до смерти Джексона, они лежали на узкой кровати в бывшей спальне Евы. Джексон повернулся к ней, и они занялись любовью с неспешной страстью.

Сол везет Еву к ее машине, каждая выбоина ухабистой дороги отдает в спину. Едут молча. Ева держится обеими руками за сиденье пикапа, лишь бы не прикасаться к животу.

Сол глушит двигатель.

Они уже на пристани. Солнце катится к морю, и вместе с ним уходит жара.

– Я акушерка, – тихо говорит Ева. – Я акушерка и не поняла, что беременна.

Сол ничего не отвечает. Потирая лоб, Ева продолжает:

– Даже... даже не верится.

– Все будет нормально. – В голосе Сола слышится неуверенность.

Они совсем не знают друг друга, но кроме Евы и врача о ее беременности известно только Солу.

Немного помолчав, он спрашивает:

– Где остановилась?

– Найду отель.

– На Уотлбуне? Их тут нет.

– Тогда вернусь в Хобарт.

Сол смотрит на часы на приборной доске и со вздохом говорит:

– Последний паром ушел пятнадцать минут назад.

Он берет мобильный и выходит из машины, закрывает за собой дверь. Кому-то звонит и, разговаривая, нервно ходит взад-вперед.

Ева не встает с места, вспоминает ту ночь в отеле в Уэльсе. Они с Джексонем вместе принимали душ, их тела окутывал пар. Джексон проводил мылом по ее талии и говорил, что очень хочет детей. «Двух, – сказал тогда он. – Двух девочек».

Невероятная ирония: когда смерть ледяными волнами забирала Джексона, внутри Евы зарождалась новая жизнь.

Сол вырывает Еву из размышлений. Открыв дверь пикапа, он сообщает:

– Нашел тебе место. Чуть дальше от меня есть хижина – хозяин уехал, можешь там переночевать.

– Хорошо. – Других вариантов у Евы все равно нет.

Она забирает сумку из прокатного автомобиля, а Сол идет на пляж за своим морозильником.

Машина подпрыгивает на ухабах, сквозь густые кроны просвечивают лучи вечернего солнца. Сол собирался встретиться с друзьями на Дьюнбэк-Пойнт, пожарить рыбу – сегодняшний улов. Надо позвонить им, сказать, что не получится.

– Приехали. – Он останавливается и ставит машину на ручник, затем выходит и через расступающиеся деревья ведет Еву к пляжу.

Хижина расположилась прямо на песке, в паре метров от побережья. Он помнит ее еще мальчиком, но лучше не думать о том, кто тут раньше жил. Джо, нынешний хозяин, немного подремонтировал хижину пару лет назад, заменил окна и сделал террасу, идеальную для вечерних посиделок с парой бутылок пива.

Сол поднимается на террасу и достает ключи, спрятанные под камешками. Открыв дверь, заходит внутрь. В нос тут же ударяет запах плесени и сырости. В надежде, что Ева не слишком привередлива – ведь хижина не в лучшем состоянии, – Сол поднимает жалюзи и открывает оба окна, чтобы проветрить комнату. Затем вдруг замечает, что Ева, застыв на террасе, смотрит на море.

– Все очень скромно, – говорит Сол. – В дальней комнате стоит кровать и еще раскладной диван. Есть душ, правда, на улице, но вода там горячая. Пойду посмотрю, включен ли газ.

Сол обходит хижину и проверяет газовый баллон – все в порядке. Заглядывает в душ: среди песка и листьев устроился огромный паук.

– Извини, дружище. – Сол подхватывает паука и швыряет на пляж.

Зайдя обратно в хижину, он открывает кран – вода в баке есть. Предлагает привезти что-нибудь из еды, но Ева отказывается. Похоже, ей просто хочется побыть одной.

– Я заеду утром, подброшу тебя до машины.

– Спасибо.

– Если что понадобится, мой дом вон там наверху. – Сол показывает на противоположный край бухты.

Прощавшись, он идет к пикапу – наконец-то можно уехать, – как вдруг понимает, что забыл достать постельное белье, и возвращается.

Ева сидит на диване, закрыв руками лицо.

Когда Дирк обо всем ему рассказал на поминальной службе, Сол едва не упал со стула от изумления. А потом заявил, что не желает в это ввязываться, не желает даже знакомиться с Евой.

И вот она здесь.

Ева плачет, плечи начинают подрагивать. Сол думает подойти к ней, но почему-то медлит: наверное, лучше не лезть. Понутив голову, он уходит.

Чуть позже вечером Еве удастся уснуть, однако спустя несколько часов она резко просыпается. Вокруг кромешная темнота. Вспотевшая, Ева пытается выбраться из-под одеяла и нащупать выключатель, но задевает рукой что-то тяжелое – с треском разбивается стекло.

Наконец Ева включает свет. Разбился стакан, по деревянному полу разлилась вода. Непонятно, что это за комната. Ева видит себя в большом, обрамленном деревянной рамой зеркале напротив кровати – оттуда на нее смотрит бледная женщина с запавшими глазами и осунувшимся лицом.

И тогда Ева вспоминает: она в Тасмании.

Джексон умер.

Она ждет ребенка.

Оперевшись спиной о деревянную дверь, прохладную на ощупь, Ева закрывает лицо руками. Лишь бы не расплакаться.

Среди окутывающей и давящей тишины слышится только легкий шепот залива. Что-то в этом затишье не так... Ева напрягается, пытаясь различить хоть какой-нибудь звук.

От осознания пронизывает паника. Ева пыталась расслышать дыхание Джексона.

Каждую ночь она засыпала, слушая, как он дышит, и теперь, когда Джексона нет рядом, со всей силы наваливается одиночество. Ева крепко обхватывает себя руками, сердце часто бьется. Успокоиться никак не выходит, и тогда она достает из чемодана рубашку в красную клетку. Любимую рубашку Джексона.

Он всегда переодевался в нее дома: закатывал рукава и не застегивал полностью. Не переставал носить, даже когда оторвались две пуговицы и обтрепался воротник.

Ева натягивает рубашку, прижимается телом к ткани. Тянется за телефоном.

Может, позвонить матери? Хотелось бы услышать ее родной голос. В Англии сейчас около полудня, мама дома одна – наверное, гладит, слушая радио, или готовит что-нибудь в пароварке. Но сказать матери: «Я беременна»?.. Нет, к такому Ева еще не готова.

Она заворачивается в одеяло и выходит на террасу: воздух прохладный, слегка соленый, чуточку пахнет деревом. Свет исходит только от звезд, темнота будто наполнена тревогой. Ева смотрит в сторону дома Сола на другом краю бухты: по телу проходит беспокойная дрожь. Только Сол – которому, по словам Джексона, нельзя доверять – знает, что Ева здесь. Лучше бы она поехала на своей машине: от мысли, что в любой момент можно уехать, было бы спокойнее.

На террасе Ева садится в шезлонг, влажный от росы. Вдруг звонит мобильник, и Ева подпрыгивает от неожиданности. Экран мигает в темноте, будто полицейская сирена.

Ева прижимает телефон к уху.

– Алло?

Слышно, как проходит соединение – наверное, международный звонок. На другом конце провода молчание.

– Алло? Говорите.

Ничего, кроме шума залива.

– Алло? – повторяет Ева. – Вас совсем не слышно.

Тишина.

Будто помехи на линии; похоже, вздох.

Через мгновение связь обрывается.

Ева смотрит на экран: да, это действительно был международный звонок, но номер не определился. Может, перезвонят? Так хочется услышать чей-то знакомый голос и понять, что она не одинока.

Телефон молчит. Подтянув колени к груди, Ева опускает рукава клетчатой рубашки и зарывается лицом в воротник, пытаясь уловить запах Джексона.

Но ничего не чувствует.

Робкие утренние лучи, отражающиеся от поверхности воды, будят Еву, и она открывает глаза. Вещи за ночь отсырели, шея затекла. Одеяло сползло на пол. Ева вертит головой из стороны в сторону, чтобы размять мышцы. Руки сложены на животе.

Она тут же убирает их на подлокотники шезлонга и некоторое время сидит в такой позе, собираясь с мыслями.

Затем очень медленно кладет руки назад на живот, под рубашку. Не спеша проводит пальцами по теплой коже. Пусть слегка, но уже намечается выпуклость: это ребенок.

Ребенок Джексона.

В каком-то смысле Джексон по-прежнему здесь, по-прежнему жив: он оставил Еве часть себя. Любовь к Джексону волной окутывает Еву. Может, он сейчас наблюдает за ней, сидящей у залива. Представив это, Ева слегка улыбается.

Она все сидит на террасе, сложив руки на животе и пытаясь осознать, что у них будет ребенок. Наконец Ева возвращается в хижину, переодевается в шорты и кардиган, складывает остальное в сумку. Наливает себе кофе и пьет его, сидя на краю террасы. Когда за ней вернется Сол? На той стороне бухты как раз видно его дом. Высокие деревья ползут вверх по скалистому утесу, а на самой вершине – покатая крыша.

Вода искрится в лучах восходящего солнца. Вдали темнеют утесы, а за ними – берега Тасмании, очерченные лиловой тенью.

Краем глаза Ева замечает что-то у побережья. Это Сол. Надев ласты, он заходит в воду и как будто сливается с ней, отталкивается вперед мощными движениями. Доплывает до середины бухты и там, раскинув руки в стороны, просто покачивается на поверхности.

Спустя пару минут он ныряет и исчезает под водой, словно его и не было.

Ева смотрит.

Время тянется медленно.

Конечно же, Сол вынырнет, но на душе все равно беспокойно.

Уже двадцать секунд. Или даже тридцать?

К горлу подкатывает комок, в мыслях вспениваются бурные воды Атлантики. Оранжевая шляпка. Шум вертолета.

Во рту пересохло. Ева не отрывает взгляд от того места, где скрылся Сол. Он обязательно выплывет, он должен. И все же сердце стучит отчаянно.

Не раздумывая, Ева вдруг срывается с места и бежит к берегу. С каждым шагом она мысленно возвращается на тот декабрьский пляж в Дорсете, где ветер вздымает песок, где дикий морской пейзаж кажется унылым без Джексона.

Ева останавливается у самой кромки воды, тяжело дышит. Солнце отражается от воды, заставляет шуриться. Где же Сол? Поверхность зеркально ровная – даже ряби не видно.

На теле выступает пот. Получится ли доплыть до него? Или лучше позвать на помощь? Хотя кто здесь услышит...

Вспоминается и другое: полицейский с рацией, толпа людей в ожидании, спасательная шляпка кружит в бушующем море.

И вдруг посередине бухты – какое-то движение. Сол прорывается сквозь поверхность: вода стекает с лица, он шумно глотает воздух.

От напряженных мышц дрожь расходится по всему телу, колени подкашиваются. В голове крутится лишь одна мысль: «Это не Джексон».

Вернувшись на берег, Сол замечает Еву: та стоит у воды, какая-то взвинченная. Он снимает маску, ласты, протирает лицо от соленой воды.

– Все нормально?

Ева поспешно кивает. Вдохнув, спрашивает:

– Хорошо понырял?

– Вода отличная.

Ева оглядывает бухту.

– Тут тихо.

– Ага, изредка только проплывает рыболовный катер или кто-нибудь на байдарке.

Молчание. Высоко парит чайка, ее белые крылья подсвечены солнцем. Они оба следят за птицей: вот она снижается, подлетает совсем близко к воде.

Сол нервно переступает с ноги на ногу.

– Как хижина, нормально спалось?

– Да, очень удобно, – выдает Ева банальный ответ.

– Ну и хорошо.

– Спасибо, что помог.

– Да не за что.

Оба осторожно обходят тему, которую так боятся затронуть: Джексон.

– Я скоро освобожусь и подвезу тебя до машины, ладно?

– Спасибо, – кивает Ева.

– Куда дальше поедешь?

– В Хобарт, наверное. Может, попробую встретиться с кем-нибудь из давних друзей Джексона. Что-нибудь придумаю, – улыбается она, показывая свою решимость, хотя взгляд говорит о другом.

Представив, как Ева колесит по Хобарту и расспрашивает людей о Джексоне, Сол понимает, что это не лучшая идея. Вода помогла ему расслабиться, но теперь в теле снова появляется напряжение, сдавливая виски.

Сол глядит в сторону хижины. Здесь, на Уотлбуне, никто, наверное, уже и не помнит Джексона, ведь он не бывал на острове с пятнадцати лет. Однако в Хобарте его знают.

Через какое-то время Сол говорит:

– Хижина пока свободна, можешь остаться, если хочешь.

Ты как-то спросила, из-за чего мы с Солом поссорились, и я рассказал. Но не всю правду.

В тот момент я брился: аккуратно наносил пену на подбородок и раздумывал, как мне лучше ответить.

– Как-то на день рождения, – начал я, и сердце бешено застучало, – я решил позвать всех на барбекю у обрыва недалеко от дома. Обычно я ничего такого не устраивал, но в тот год хотел пригласить... одну девчонку. Она была для меня особенной, и я думал познакомить ее с друзьями.

Проводя бритвой по щеке и натягивая кожу у губ, я продолжил:

– Сол заявился поздно – и пьяным, – но я был рад, что он пришел. Приобняв брата за плечо, я подвел его к костру – там стояла та девушка. Он еще и слова не проронил, а я уже знал: сейчас он пустит в ход свои чары. По одному его взгляду было понятно.

– Серьезно? – осторожно спросила ты, следя за моим лицом в зеркале.

Я мрачно усмехнулся.

– Сол ничего не мог с собой поделать, он словно каждую был обязан заполучить. Чуть позже тем вечером он обхаживал ее прямо у меня на глазах – будто хотел, чтобы я все видел. Будто ему было плевать на брата.

– Мне жаль.

Я пожал плечами. И постарался говорить бодрым голосом.

– Может, оно и к лучшему. Сол продолжал встречаться с ней, а я в итоге на пару месяцев уехал из Тасмании.

– Это тогда ты отправился в Южную Америку?

– Ага. Побывал в Чили и Перу, потом в Бразилии. Занимался серфингом, исследовал природу, даже нашел работу – прорубал просеки – и в Бразилии купил себе мотоцикл. Хорошее было время, оно пошло мне на пользу.

– А потом, когда ты вернулся?

– Сол переехал с ней на северную часть острова, я жил на юге... Мы не виделись.

– Они и сейчас вместе?

– Нет. Уже нет.

– И ты не можешь простить его?

Я отложил бритву и, опустив голову, схватился за край раковины.

– Он лжец, ему нельзя доверять.

Ты подошла и нежно погладила рукой по спине. Будто пыталась забраться внутрь меня и унять боль, которая, как я думал, давно утихла.

Я выпрямился и поймал твой взгляд в зеркале.

– Как думаешь, Ева, люди меняются? Они способны измениться?

Наверное, тебя изумило, что я сказал это с таким чувством. Ты убрала руку и ответила:

— Конечно. Люди меняются.

Но вот что пугает меня: вдруг это не так?

Глава 8

Слушая маму, Ева меряет шагами хижину. Улавливает слова «ультразвук», «срок», «триместр» – все это ассоциируется с работой, но никак не с собственной беременностью.

Она останавливается у тонкой стеклянной рамки с фотографией, которую взяла с собой из Англии. Снимок сделан прошлым летом, на джазовом фестивале в стиле 1920-х годов в Лондоне. На Еве легкомысленное платьице с заниженной талией, волосы украшены ободком с бисером; Джексон обнимает ее и, смеясь, слегка касается своей черной шляпы. Позади ярко светит солнце, они оба загорелые, счастливые и влюбленные.

Прижимая телефон плечом, Ева берет рамку и медленно протирает краем платья, пока на стекле не остается никаких следов, затем ставит назад на полку.

– Значит, ты вернешься домой? – спрашивает мать.

– Домой? – переспрашивает Ева, отрываясь от своих мыслей. – Нет, пока нет.

– Почему? – переходит мать на повышенный тон.

– Мои планы не изменились.

– А как же ультразвук?

– Не поверишь, в Австралии тоже есть больницы, – отвечает Ева, закатывая глаза. – К тому же через пару дней приедет Кейли.

Волнения матери ей ни к чему, Еве лишь нужно от кого-то услышать, что это отличная новость, что она будет замечательной матерью.

– Ты с ума меня сведешь – едешь там одна, да еще беременная! – Мать всегда была очень эмоциональной, а значит, любая проблема Евы мгновенно становилась ее собственной проблемой. Беременность дочери – это *ее* беспокойство, *ее* содействие, *ее* страхи. – Может, вернешься жить ко мне, а гостевую переделаем в детскую, и...

– Мама, – резко обрывает ее Ева.

Она выходит на террасу: на пляже ни души, солнце маняще светит над бухтой. Ева провела на Уотлбуне три дня и уже чувствует некую удивительную связь с островом, тем более Джексон в детстве проводил здесь лето: играл на пляжах, занимался серфингом, нырял, ловил рыбу с пристани и с лодки отца. А теперь, столько лет спустя, здесь оказалась Ева и ребенок, которого она носит, – они ходят по тем же берегам, любят теми же видами. Ева ступает по следам Джексона, которые будто по-прежнему видны в песке.

– Сейчас я хочу быть именно здесь.

Вечером она берет недавно купленную бутылку вина и идет вдоль побережья к дому Сола. Он не заходил к ней в хижину, лишь махнул рукой издали, когда нырял в бухте.

Воздух пропитался запахом водорослей, у самой кромки воды снуют крабы. Каменистая тропа ведет к крутому, поросшему деревьями холму, на вершине которого и начинается участок Сола. В глубине, среди эвкалиптовых деревьев, расположился скромный деревянный домик на сваях.

Стоя к Еве спиной, Сол разделывает рыбу на старом деревянном верстаке, рядом с которым валяется выцветшая синяя байдарка. На нем темная футболка и шорты, он не обут. Крепкая шея, прямо как у Джексона – Ева представляет, как касается темных волос у мужа на затылке, проводит кончиками пальцев под воротником рубашки, где долго сохраняется запах лосьона после бритья.

Не сдержавшись, Ева шумно вздыхает, и Сол резко поворачивается. На его растрепанные темные волосы полосами падает солнечный свет.

– Ева?

– Привет, – неуверенно произносит она. – Я... вот принесла кое-что. Это тебе. В благодарность за хижину.

– Не стоило, – едва ли не резко отвечает Сол.

«У него ведь руки в рыбе», – понимает Ева и неловко прижимает бутылку к себе.

– На ужин? – кивает она в сторону верстака, прерывая молчание.

– Ага. – Снова пауза. – Может... присоединишься?

Ева краснеет: она и не думала навязываться. Впрочем, перспектива приятная – остаться и поговорить.

– Было бы здорово.

Три ярко-зеленые птицы вдруг срываются с дерева позади и, поблескивая переливающимися крыльями, устремляются ввысь.

– Ласточковые попугаи, – объясняет Сол, проследив за ее взглядом. – Прилетают каждую весну с материка, через пролив Басса. Наверное, устроили гнездо в каком-нибудь дупле за домом.

С пронзительной трелью птицы скрываются в кроне дерева на другой стороне участка. Ева осматривается.

– Милое у тебя местечко. Это сюда вы приходили в детстве?

Сол кивает.

– А где же хижина?

– Раньше была прямо на месте дома.

– Понятно.

Как-то Джексон усадил ее на колени и начал рассказывать:

– У нас в Тасмании пунктик насчет хижин. Это убежище, где можно скрыться от цивилизации, насладиться личным пространством. Папе когда-то там нравилось...

Он сказал это с такой грустью, что стало понятно, как сильно Джексон скучает по отцу. Ева обняла его и поцеловала в губы.

– За что? – спросил он.

– Просто за то, какой ты есть.

Сол говорит:

– Пойду промою рыбу. Заходи в дом, налей себе что-нибудь.

Внутри пахнет свежим деревом. Гостиная – она же столовая – отделена от террасы раздвижными дверями. В углу – дровяная печь, бревна и хворост для растопки. Обстановка простая: широкий коричневый диван, низенький кофейный столик из необработанного дерева и огромный книжный шкаф, подсвеченный двумя старыми рыболовными лампами.

На стенах фотографии в стеклянных рамках. Снимок из-под воды: солнце пробивается сквозь поверхность моря; бескрайние песчаные дюны, напоминающие припорошенный первым снегом горный хребет; Джексон с тяжеленным рюкзаком у Мачу-Пикчу⁴.

У Сола большая коллекция книг, связанных с морской жизнью: «Австралийский рыбак», «Биография трески», «Морской промысел», «Размышления о фридайвинге», «Море вокруг нас», «Узлы и мачты», «Кораблекрушения Тасмании». Но этим полки не ограничиваются – художественной литературы тоже немало, от классики до современных романов.

Вдруг имя на корешке книги привлекает ее внимание: Линн Боу. Мать Сола и Джексона.

Ева ставит бутылку вина на столик и осторожно достает книжку.

Джексон говорил, что их мама была писательницей и любила бывать на Уотлбуне – здешний простор давал вдохновение. Когда мальчишки были маленькие, она водила их то

⁴ Мачу-Пикчу – древний город инков, расположенный на вершине горного хребта на территории современного Перу.

на один, то на другой мыс, и там, на открытом пространстве, они устраивались за чтением или рисованием, пока Линн писала.

С внутренней стороны обложки черно-белая фотография красивой женщины с длинными волосами, скромно заколотыми сзади. Глаза как у Сола – большие, темные и серьезные.

На первой странице посвящение: «Дирку. Как всегда».

Трудно представить мужчину в стоптанных носках, от которого разит виски, рядом с этой привлекательной молодой женщиной. Со слов Джексона Ева знала, как подкосила его отца смерть Линн. Она была главной в их семье, была солнышком, вокруг которого вращались трое мужчин.

– Моя мать, – вдруг говорит Сол.

Ева изумленно оборачивается. Он стоит в дверном проеме и пристально смотрит на нее. У Евы вспыхивают щеки.

– Она была очень красивой.

– Да, – соглашается Сол. – Была.

Ей хочется добавить что-то еще, но Сол уже уходит на кухню.

Он моет руки, вытирает полотенцем и начинает крупно нарезать перец чили, чеснок и кориандр.

Ева стоит, оперевшись о столешницу, предлагает помочь – дважды, – и на второй раз, просто чтобы занять ее, Сол поручает Еве сделать салат.

Он фарширует рыбу нарезанными травами и пряностями. Так странно – в этот дом давно не заглядывала женщина.

– Сегодня поймал? – спрашивает Ева.

– Ага, подводным ружьем. Австралийский лосось. Повезло, собрались косяком почти у берега.

Сол кладет каждую рыбку на большой кусок фольги, вспоминая, как кружили в воде рыбы, сверкая на солнце серебристыми хвостами. Он просто стоял на месте и смотрел. Порой Сол даже не нажимает на курок: ему нравится наблюдать, как они снуют в воде, как блестит чешуя.

– Лучше, чем ловить на удочку? – интересуется Ева, надрезая помидор.

– По крайней мере, так честно, – отвечает он. – Ловишь только то, что можешь съесть, и к тому же никакой наживки. А если вернешься с пустыми руками – что ж, значит, удача сегодня на стороне рыбы.

– В то утро, когда я только сюда приехала, ты нырял без ружья.

Сол кивает.

– Иногда просто плаваю под водой. Без всяких там аквалангов, задерживаю дыхание.

– Я видела про это передачу: люди ныряют на невероятную глубину, да?

– Некоторые да. Рекорд фридайвинга без утяжелителей и креплений – сто двадцать один метр.

– Не может быть! Какие же надо иметь легкие! Ты как-то замеряешь глубину?

Сол сбрызгивает рыбу маслом чили и выжимает сверху пару лаймов. Отдергивает палец, когда сок попадает на царапину.

– Нет, мне все равно. Приятно, что не надо возиться с баллоном или каким-то оборудованием. Да и увидеть так можно больше, рыбу обычно пугают пузырьки воздуха.

Ева выкладывает помидоры в салатницу, начинает резать латук.

– И что тут можно увидеть?

– Дайвинг на Уотлбуне – это совсем не как в тропиках. Тут и скаты, и рыбы-лопаты, и австралийские акулы, и морские драконы.

– Морские драконы?

– Они из семейства игловых – как морские коньки, только крупнее. – Сол ополаскивает и вытирает руки, достает хлеб и режет большими ломтями. – Уотлбун – одно из немногих мест, где их можно наблюдать.

– Джексон рассказывал, что любил бывать здесь в детстве.

Вот оно. Джексон.

Сол был у отца, когда узнал о случившемся. Дирк смотрел телевизор и пил пиво, как вдруг раздался звонок. Воздух будто наэлектризовался. Отец взял трубку и резко выпрямился. Слушал, открыв рот, но не сказал ни слова, просто позвал к телефону сына: далекий голос полицейского с английским акцентом сообщил о несчастном случае на рыбалке. Сол спросил, где все произошло, кто там был, нашли ли тело.

После он понял, что не задавал столько вопросов о брате последние несколько лет.

– Сол? – окликает его Ева.

Он замер с ножом для хлеба в руке.

– Пойду разожгу костер, – бормочет Сол, затем кладет нож на место, берет поднос с рыбой и, потупив взгляд, выходит из дома.

Они ужинают на террасе, любуясь небом, где подсвеченные розовым облака постепенно скрываются в сумерках. Сол почти все время молчит, а Ева, чувствуя легкую тошноту, едва притрагивается к рыбе.

Наконец она откладывает вилку и нож, затем натягивает свитер.

– Можем пойти в дом, – предлагает Сол.

– Не надо, здесь лучше.

Появляются первые звезды, и уже через полчаса все небо будет мерцать. В воздухе витает лимонный аромат – Сол зажег свечи. Вокруг тихо, слышно лишь, как плещутся волны и трещат сверчки.

– Когда я общалась с твоим отцом, – говорит Ева, взглянув на Сола, – он сказал, что больше не бывает на Уотлбуне. – Сол медленно кивает. – Это... из-за вашей мамы?

Оперевшись локтями о стол, он оглядывает залив.

– Мы развеяли прах с того мыса. Наверное, отцу до сих пор стыдно, что он больше здесь не появлялся.

– Жаль, у меня нет праха Джексона, – неожиданно для самой себя говорит Ева.

Сол переводит на нее взгляд.

– Просто... может, стало бы легче. – Ева двигает к себе свечу и проводит пальцем по теплему плавящемуся воску. – Как-то, через пару недель после смерти Джексона, я пошла на пляж, к тому месту, где все случилось. Было жутко холодно, песок покрылся инеем, но выглянуло солнце, и море казалось спокойным. Помню, я смотрела на море и поражалась его безмятежности, а ведь совсем недавно... – Она нервно сглатывает. – И тут я стала заходить в воду.

Сол не отрывает от нее взгляд.

– Знаю, звучит безумно, но я должна была понять, что ощущал Джексон. – Хотелось почувствовать, как тяжелеет намокшая одежда, как от холода сводит мышцы, как накрывают волны.

– Представить себя на его месте.

Ева кивает, надавливая на свечу ногтем.

– Тяжело, когда нет тела. – Она отковыривает комочек теплого воска и скатывает его между пальцами. – Но я рада, что приехала сюда, увидела, где Джексон вырос. Я столько не успела спросить у него. Мне так много нужно узнать.

Лишь два года она была рядом с Джексоном. Крохотную часть его тридцатилетней жизни. Положив руку на живот, Ева как никогда раньше чувствует, что должна разобраться в его прошлом.

В доме звонит телефон. Похоже, Сол рад, что появился повод выйти с террасы.

– Пап? – доносится его голос.

Откинувшись на стуле, Ева смотрит в небо. Вот бы Джексон был рядом, чтобы она могла рассказать ему о ребенке. В последнее время она многое узнала об одиночестве. Дело не в том, что ты далеко от дома или ни с кем не общаешься. Нет, это ощущение постоянно с тобой.

Сол долго не возвращается, и Ева начинает убирать со стола: кости от рыбы в фольгу, тарелки в стопку. Заносит все это в дом, но останавливается – разговор идет о ней.

Сол говорит по телефону в другой комнате. Ева замирает, прислушиваясь.

– Она приходила, как ты и сказал... Ага, в четверг. – Сол тяжело вздыхает, ходит взад-вперед. – Нет. Конечно, нет! – Ева напрягает слух. Шаги затихают. – Только в тот день... Нет, больше не видел.

Он попрощался с отцом, и Ева возвращается на террасу и ставит тарелки на стол. Сердце бешено стучит.

Сол тоже выходит из дома. Держа руки в карманах, он переминается с ноги на ногу.

– Мне надо кое-что подготовить на завтра.

– Тогда я лучше пойду, – резко отвечает Ева.

– Я провожу тебя, спуск крутой.

Не успела она возразить, что дойдет сама, как Сол достает из кармана фонарик. Он идет впереди и подсвечивает ей дорогу.

– Осторожно, некоторые ступеньки шатаются.

Становится прохладнее. Они спускаются молча и доходят до пляжа. Сол вдруг поворачивается к Еве. Вдалеке от света лимонных свечей темнота кажется всепоглощающей. Странно, что Сол соврал отцу. По телу пробегают дрожь.

Ева вспоминает слова Джексона: «Он предатель, ему нельзя доверять».

Вдруг становится обидно, что вечер закончился так скомкано. Хочется высказаться, но что-то заставляет Еву молчать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.